

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

Я – СПАРТАК!

Возмездие
неизбежно

Валерий АТАМАШКИН

В вихре времен

Валерий Атамашкин

Я – Спартак!
Возмездие неизбежно

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Атамашкин В. В.

Я – Спартак! Возмездие неизбежно / В. В. Атамашкин —
«Махров», 2018 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-04-093322-8

Лейтенант ФСБ Спартак Гладков и олигарх Марк Крассовский — злейшие враги. Лейтенант несколько лет пытается уличить олигарха в продаже на черном рынке военных технологий. И наконец Гладков берет Крассовского с поличным при передаче террористам новейшей установки РЭБ. Во время завязавшейся перестрелки пуля попадает в прибор и... Спартак оказывается в далеком прошлом, за 70 лет до нашей эры. Идет последний год восстания гладиаторов. Оно потерпело крах — голод, холод и раскол грозят полным разгромом, рабы заперты на Регийском полуострове. Сумеет ли молодой лейтенант поднять боевой дух восставших? Сможет ли обновленный Спартак, используя боевой опыт спецподразделений XXI века, переломить ход войны? И что будет, когда Гладков узнает, что за личиной победоносного римского полководца Марка Красса скрывается его старый враг?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093322-8

© Атамашкин В. В., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Валерий Атамашкин

Я – Спартак! Возмездие неизбежно

© Атамашкин В.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Несмотря на то что с событий, произошедших ночью 17 июня 2017 года, минуло много времени, я помню все по минутам. После той ночи я стал другим, изменились обстоятельства, но самое главное – совершенно другим стал мир...

Пролог

Рука, потянувшаяся к кобуре, отдернулась. Я сжал вспотевшую ладонь в кулак, уставился на автомобиль, который остановился у шлагбаума парковки бытового склада. За тонированными стеклами автомобиля, к тому же в полной темноте, я не мог разглядеть, что происходило в салоне. Погас ближний свет фар. Скрипнул шлагбаум, поднялся вверх. Черный, отполированный до блеска седан медленно въехал на парковку. Заглушили двигатель, из выхлопных труб тонкими струйками потянулась белесая дымка конденсата. Передние двери плавно открылись, и на парковку вышли двое телохранителей – строгие костюмы черного цвета, подтянутые, коротко стриженные, на поясе кобура. С минуту они осматривались, затем один из них подошел к изрисованной граффити стене склада, поднял ворота. Второй открыл заднюю дверь седана. Встал так, что на какое-то время закрыл мне обзор. Из салона автомобиля послышался сухой приступообразный кашель. Я стиснул зубы, в висках пульсировала кровь.

На парковке появился мужчина на вид пятидесяти лет. Среднего роста, чуть полноватый, с редкой бородой и большими выразительными глазами. Каштановые волосы растрепались и прилипли ко взмокшему лбу. Он огляделся, взял из рук своего телохранителя небольшую бутылку минералки. Жадно сделал несколько больших глотков и тут же вернул бутылку обратно секьюрити.

– Спасибо, в горле сегодня першит.

– Что-то еще, Марк Робертович? – с серьезным видом спросил телохранитель.

– Не сейчас, Аркаша, – покачал головой Марк Робертович. – Займись делом.

Впервые Марк Робертович Крассовский попал в нашу разработку в 2011 году, когда его некоммерческий фонд «зашумел» в только открывшемся «Сколково», вкладывая немалые деньги в разработку и развитие новейших технологий. К тому моменту я только начал работать в ФСБ, получил лейтенанта и пытался всячески проявить себя, поэтому с удовольствием взял в разработку так называемое «дело олигарха», которое многие наши ребята считали тухляком, оттого сторонились как черт лаdana. Я был сразу предупрежден, что рою там, где не следует, и наверняка найдется много желающих щелкнуть меня по носу. Как-то на одном корпоративе, после того как градус принимаемых офицерами напитков крепко обосновался на отметке сорок, прозвучал совет, что я должен закрыть на происходящее глаза. Многие тогда высказали мнение, будто, копая под Крассовского, я собственноручно вырою себе могилу. Однако для меня стало делом чести вывести олигарха на чистую воду. Все дело в том, что особое место в инвестиционном списке Крассовского занимали новейшие российские разработки в области РЭБ, которые олигарх почти в открытую продавал на черном рынке нашим западным «партнерам». Я, как человек, за свою жизнь прошедший три горячие точки, комиссованный после контузии во время конфликта в Южной Осетии, понимал, к чему все это может привести. Из-за таких, как Крассовский, наша страна ослабевала, на войне гибли те, кто был призван защищать свою Родину. «Дело олигарха» стало продолжением меня, я твердо решил вывести этого человека из игры, для чего должен был поймать его с поличным, и последовательно шел к своей цели. Увы, затеянные мной операции с треском проваливались, всякий раз Крассовский ускользал из моих рук. У начальства уже лежало подписанное мной заявление об увольнении без даты. Поэтому 17 июня был мой последний шанс поставить в «деле олигарха» жирную точку. В этот день Марк Робертович Крассовский лично присутствовал на заключении крупной сделки по продаже экспериментальной установки РЭБ...

Троица из седана скрылась в здании склада. Ворота с грохотом опустились, подняв пыль на асфальте. Капитан группы захвата, сидевший по левую руку от меня, выверенным движением надел маску. Мы переглянулись, я коротко кивнул, дал понять, что настало время переходить к делу. Капитан отдал звучный приказ своим бойцам:

– Приготовиться! – Он посмотрел на меня и спросил: – Спартак, ты хорошо подумал?

Я знал, что он спросит, поэтому ответил без раздумий, так, чтобы ни у кого из сидящих в машине не оставалось сомнений. Громко и уверенно:

– Поехали...

Мы начали штурм. Все получилось – мы действительно застали Крассовского во время сделки по продаже экспериментальной установки РЭБ. Началась перестрелка между группой захвата, телохранителями Крассовского и людьми с черного рынка. Выстрелы, крики, кровь... Но затем что-то пошло не так. Один из телохранителей западных «партнеров» случайным выстрелом попал в активированную установку РЭБ. Я не могу сказать, что произошло дальше. Возможно, те, кто находился в непосредственной близости от установки, облучились, в их числе был и я.

Я хорошо помню, как гудело в голове в тот момент, когда я впервые открыл глаза после облучения. Долго щурился, всматривался в расплывающиеся силуэты сквозь навязчивые солнечные лучи, слепящие глаза. По привычке потянулся к поясу, где обычно в кобуре висел пистолет, но пальцы схватились за пустоту. Один раз, другой. Под ложечкой неприятно засосало, во рту появился привкус меди. Не хотелось верить, что я потерял пистолет. Пришло понимание, что Крассовский мог уйти... Признаться честно, тогда я был готов ко всему – на моем заявлении без даты теперь могли запросто поставить число, я мог вылететь со службы по статье. Но в тот миг волновало меня совсем другое – я не сумел довести до конца дело всей своей жизни. В груди кольнула просыпающаяся ярость, перемешанная с чувством обиды на самого себя.

Я протер тыльной стороной ладони глаза, несколько раз выдохнул, пытаюсь избавиться от надоедливости шума в ушах. Выкашлял мокроту, которой забились бронхи и легкие. Полегчало, вот только стоило мне оглядеться, как от неожиданности я чуть было не завалился на землю пятой точкой. Было от чего – ко мне шли пятеро высоких, крепко сложенных мужчин, укутанных в странные лохмотья, вооруженных. Снег, крупными хлопьями лупивший по глазам, значительно уменьшал видимость, мне приходилось щурииться и всматриваться перед собой, только тогда я разглядел их вожака. У него была смуглая кожа, длинные прямые волосы, убранные в хвост, лицо, побитое грубыми шрамами, тяжелый испытывающий взгляд. Обращал на себя внимание меч с круглой рукоятью, висевший в ножнах на его поясе. Ботт бился о мускулистое бедро. В левой руке вожак держал мешок, насквозь пропитанный какой-то жидкостью, и я не сразу понял, что эта жидкость – кровь. Остальные четверо выглядели не менее зловещно и отталкивающе, на первый взгляд напоминая дикарей.

Я чувствовал, что слаб и мне попросту не хватит сил бежать или вступить с незнакомцами в схватку, окажись они недружелюбно настроены. Стоя на месте будто вкопанный, я силился разобраться с беспорядочным потоком информации, разом рухнувшим на мою голову. Теперь все происходящее вокруг виделось мне отчетливо, исчез противный шум в голове. Я огляделся, и каково же было мое удивление, когда вместо привычных рубашки и брюк увидел, что укутан в странный шерстяной плащ пурпурного цвета. Под плащом на мне был надет необычный железный панцирь, будто бы повторяющий мои анатомические черты. Завершали образ совершенно нелепые башмаки и поножи. В башмаки были заправлены рваные тряпки, лоскутами обмотанные вокруг моих ног. Поножи, также из железа, больше напоминали щитки.

Повсюду раскинулось заснеженное поле, из-за крупных снежных хлопьев, заволакивающих горизонт, упала видимость. Я не видел звезд, но обратил внимание, что за спинами приближающейся ко мне группы в небо поднимаются столбы дыма от костров. Пришлось приложить усилие, чтобы убедить себя в том, что происходящее вокруг реальность. В голове начали появляться вопросы.

Как я мог оказаться здесь, в заснеженном поле?

Кто эти люди?

Откуда лохмотья, надетые на меня неизвестно кем?

Где Крассовский, продавцы с черного рынка, ребята из группы захвата?

Я не успевал дать ответ, как в голове возникал новый вопрос. Сейчас мое сознание напоминало пруд, некогда чистый и прозрачный, а теперь взбаламученный, с поднятым с самого дна илом. Стало не по себе. По опыту я мог сказать, что, если вопросов, на которые не удалось ответить сразу, скапливалось больше двух – дело дрянь. Следовало сбросить с себя оцепенение и выяснить, что же на самом деле произошло. Вполне возможно, что эта странная компашка могла быть в курсе всего происходящего.

Видя мое замешательство, вожак, тот самый смуглый, с лошадиным хвостом, приветственно вскинул свободную руку, испачканную в запекшейся крови, и, следует признаться, его слова поставили меня в тупик.

– Все в порядке, Спартак? – как-то совсем сухо спросил он. – На тебе нет лица.

Я ничего не ответил, посмотрел на этого странного человека внимательней, силясь понять, что он от меня хочет и откуда знает мое имя, если я не называл его вслух и никак не представлялся. Вожак, укутанный в красный плащ, расплылся в подобии улыбки, обнажил нижний ряд зубов, местами сколотых, а где вовсе сгнивших. Создалось впечатление, что он никогда прежде не был на приеме у стоматолога. Четверо остальных, все как один угрюмые, с тяжелым взором, рассматривали меня в упор.

– Ты опять снял претексту? – Вожак вздохнул, с угрюмым выражением лица покачал головой.

Вряд ли этот вопрос вожака подразумевал ответ. Тем лучше, я понятия не имел, о чем идет речь. Как бы то ни было, я вновь промолчал.

– Нам нужно твое решение, брат! – сказал один из пятерки, с рыжей бородой и ранней пролысиной.

На его поясе по левую руку висел дротик, по правую меч. Ладонь с растопыренными пальцами лежала на затертой рукояти меча из чистой кости. На нем был надет чешуйчатый доспех с металлическими пластинками в форме рыбных чешуек. Хлопья снега падали на начищенные чешуйки и медленно таяли. Я знал, что могу собрать все силы в кулак, нанести единственный удар, который выведет из строя этого детину, приди удар точно в висок или подбородок, но на большее сил попросту не было – остальные тут же сровняли бы меня с землей. Однако в следующий миг, к моему огромному удивлению, рыжий вдруг снял с пояса меч и протянул его мне, рукоятью вперед.

– Негоже нарушать собственные предписания, Спартак, и выходить без оружия за пределы лагеря, – заявил рыжий. – Возьми свой гладиус.

Я вздрогнул от неожиданности, но взял клинок из его рук. Подержал холодный меч в руках, привыкая, все так же чувствуя на себе пристальные взгляды незнакомцев. Шашки наголо? Эти люди хотели, чтобы я вступил в бой, и поэтому дали мне в руки меч? Однако все пятеро так и остались стоять на своих местах. Я медленно убрал клинок в ножны, оказавшиеся на поясе, изо всех сил стараясь избавиться от навязчивой мысли попробовать силы в неравном бою. Нет уж, возмись они за дело впятером, и у меня не осталось бы ни единого шанса. Во многом поэтому я решил оставить на потом вопросы, созревшие в моей голове. Для начала, по правилам хорошего тона, мне следовало выслушать этих пятерых. Я настороженно переводил взгляд с одного мужчины на другого. Вооружены, облачены в доспехи, на поясе каждого за кольцо прицеплен железный шлем. Люди Крассовского не стали бы устраивать весь этот цирк, но кто тогда эти пятеро? Очередной вопрос повис.

– Нам нужно твое решение, – повторил слова рыжего вожак.

– О чем идет речь? – на этот раз уточнил я.

Рыжий и вожак переглянулись, по всей видимости, решая, кто будет говорить.

– Расскажи ему, Рут, – сказал рыжий.

Я заметил, что с мешочка в руках вожака падают крупные капли алой крови, растворяясь на кристально белом снегу под его ногами. Было заметно, что мешочек не дает ему покоя. Рут прокашлялся и переложил его в правую руку.

– Ганник и Каст объединились и настаивают на прорыве, – выдохнул он. – Не знаю, как так произошло, но позади остались все их прежние разногласия.

– Ганник предлагает перейти ров этой ночью, – встрял в разговор еще один из пятерки, чернокожий атлет с рельефной мускулатурой, которая проглядывалась, несмотря на то что он кутался в плащ. Атлет разговаривал с акцентом, поэтому я едва разобрал слова. На его лице можно было прочесть явную озабоченность. Я обратил внимание, что он то и дело с опаской косится на мешок в руке вожака.

– Вот только Ганник и Каст опять лезут не в свое дело! – покачал головой Рут.

– Как ты считаешь, Спартак? – вставил рыжий.

Слушая их слова, сбивавшиеся на выкрики, я попытался связать нити происходящего в единый клубок. Разговор казался полной нелепицей. Тогда я еще не знал, почему эти люди спрашивали моего мнения. Думал, что Крассовский решил разыграть со мной искусный спектакль, выбрав какую-то особую изощренную месть. Не желая гадать, я было решил озвучить свои мысли вслух, но меня опередил рыжий.

– Покажи ему, что сделали с нашим дозорным, – голосом, полным пренебрежения, прошипел он. – Покажи, Рут.

Вожак вдруг бросил мешок мне под ноги. Я отшатнулся – из мешочка выпала отрезанная человеческая голова. Невидящие зрачки уставились в небо. В открытый рот упало несколько снежинок. По снегу растеклась кровь.

– Тит Лавриний. Его обезглавили, а тело распяли, – со странной ухмылкой пояснил рыжий. – В лагере у него остались жена и ребенок. Ты должен помнить его, Спартак, Тит присоединился к нам у Везувия! Легион Висбальда, первая когорта Дионеда...

– Я не вижу здесь ничего смешного, Митрид! – вспыхнул молчавший до этого мужчина с пышными седыми бородой и усами, которые делали квадратным его лицо.

– А тебе не кажется, что даже римляне никогда не дойдут до того, чтобы обезглавить труп перед распятием? Что скажешь, Нарок? – Рыжий Митрид вдруг вытянулся струной и с вызовом подался вперед.

– Ты хочешь сказать, что это дело рук Ганника или Каста? Ха! Говори прямо! Как есть! – Нарок отреагировал на выпад рыжего детины с усмешкой. – Не опускайся и не клевети на своих товарищей!

– Успокойтесь оба, нам не нужен раскол! – Рут грубо одернул Митрида за руку, остужая его пыл.

Я поймал на себе яростный взгляд Рута.

– Приди же ты в себя, Спартак! – прошипел он. – Если ты будешь и дальше стоять здесь, все погибло. Подумай над этим, и подумай хорошенько. – Я почувствовал, как его пальцы, будто тиски, сжали мое плечо.

– Что делать дальше, Спартак? Как быть? – вновь заговорил рыжий. – Если ничего не предпринять, люди пойдут на прорыв без подготовки сегодня ночью! Это как пить дать! Вот посмотришь!

– То, что Ганник и Каст хотят вступить в бой, бесспорно. – После некоторого раздумья с Митридом согласился Нарок.

– Этого нельзя допустить, – заверил Рут.

Лицо вожака вдруг исказила гримаса ярости. Он выхватил из ножен свой меч и вонзил его рядом с головой несчастного Тита Лавриния. Несмотря на холодную погоду и противный, пронизывающий ветер, я почувствовал, что весь взмок. Слова «я не знаю» стали поперек горла липким комом. Говорили что-то еще, но я ничего не слышал. Голова пошла кругом, заходили

желваки. Эти странные люди в лохмотьях спорили, и каждый из этой пятерки ждал, что я вставлю в их спор свое слово, которое должно оказаться решающим. Но происходящее оставалось для меня тайной. События разворачивались слишком стремительно, чтобы я успевал что-либо понять.

Я посмотрел на отрубленную голову Тита Лавриния, лежавшую у моих ног. Совсем молодой мальчишка, не больше двадцати лет, на лице которого застыли предсмертный ужас и понимание неизбежности. Перевел взгляд на меч Рута, торчавший из холодной, заснеженной земли. Меч казался раза в полтора длиннее моего клинка. Позже я узнал, что клинок Рута называется спата, это кавалерийский меч, а забрал его этот человек в бою, отрубив вместе с мечом руку врага. Да уж, тогда я вряд ли мог сказать, что передо мной стоит один из лучших гладиаторов Кампании и всей Южной Италии гоппомах Рут собственной персоной. А эти люди, не кто иной, как пятеро из одиннадцати ликторов – членов моей личной охраны, которые ставили мою жизнь выше своей!

Я оставался стоять на месте, одной рукой схватившись за холодную рукоять своего меча. По телу будто бы прошел разряд. Будучи загнан в тупик, я никак не мог сообразить, что делать дальше. Операция на складе по «делу олигарха» Крассовского теперь казалась чем-то далеким и нереальным. Крассовский сумел уйти, а я оказался оторван от привычного потока времени и заброшен в далекое прошлое. Шел 71 год до н. э., я попал на Регийский полуостров, в Древний Рим. Я – Спартак Гладков – возглавил восставших рабов, оказавшись в теле их лидера мёоезийца Спартака. Все ждали от меня решений, эти люди видели во мне своего вождя и победителя в войне за свободу.

Глава 1

По горизонту эхом разнесся звук – протяжный, низкий и грубый. От такого звука тело покрылось гусиной кожей, неприятно свело скулы. Люди в лагере вдруг побросали все свои дела, позабыли о приказах, которые я раздал накануне, замерли. На их лицах появилась настороженность, а в глазах застыла тревога. Время спустя звук повторился – это был звук походного корна римлян. Вскоре в лагерь явились дозорные, которые доложили, что римский претор Марк Красс распорядился одному из своих легионов перейти в наступление. Претор планировал форсировать марш-бросок к нашему лагерю. Новость взорвала лагерь повстанцев и буквально расколола людей внутри его пополам. Я пришел в ярость, когда увидел, как оживились Ганник и Каст. Кельт и галл сторонились меня и в штыки восприняли мои первые распоряжения, которые, по их словам, сделали жизнь в лагере еще более невыносимой. Со всех сторон слышались крики.

– Мы разобьем Красса! – истошно верещал молодой человек с грудным ребенком на руках.

– Обезглавить его! – в унисон ему твердил беззубый старик.

– К оружию! – призывали из толпы разгорячившиеся бойцы.

В лагере начался бардак. Часть восставших, среди которых были кимвры, тевтонцы, эфиопы, заслышав сигнал римского корна, набросились на повозки с запасами провианта. Люди плевать хотели на приказ прежнего Спартака соблюдать в лагере продовольственную экономию и на мой приказ выдавать людям суточные пайки, посчитав нужным принести последние скудные запасы еды в жертву богам. Другая группа восставших в составе нумидийцев, германцев и галлов устремилась к повозкам с оружием. Наперерез им бросились несколько десятков гладиаторов, сторонники мёоезийца со времен заговора в школе Лентула Батиата, готовые в случае необходимости обнажить клинки, но я остановил своих бойцов.

– Драмий, отставить!

Драмий замер, не осмелившись ослушаться приказа. Остановились другие гладиаторы. Я знал, что стоит высечь искру, как в лагере вспыхнет междоусобица. Тревогу и отчаяние на лицах изнеможенных людей сменила слепая ярость, граничащая с безумием. Долгая блокада, упадок сил, подстрекательства сделали свое дело – рабы были готовы вступить с легионерами римского претора в свой, возможно, последний бой и не видели на своем пути никаких преград. В лагере начались поспешные приготовления, и для того, чтобы перейти этот Рубикон, повстанцам теперь уже не нужен был мой приказ. Люди вокруг вооружались, молились, прощались с близкими. Безумие заволокло их глаза.

Обстановка накалилась. Я поручил своим ликторам и тем гладиаторам, кому удалось сохранить голову трезвой, быть начеку и попытаться сдержать натиск многотысячной толпы. Сейчас от неверно истолкованного слова, косого взгляда зависело настроение масс в моем лагере. Такова была реальность места, в котором я оказался. Реальность, с которой я вынужден был считаться и принимать решения с ходу, если не хотел, чтобы пучина бездействия затянула меня на самое дно. Бездействием я мог развязать руки претору Республики, наделенному проконсульскими полномочиями в этой войне. Марк Красс только что подал сигнал к наступлению. Чего хотели люди в моем лагере, я понимал вполне, но чего хотел римский претор?

Марк Красс...

Я несколько раз про себя повторил имя этого человека, резавшее мой слух. Почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Интересно распорядилась судьба, раз имя римского претора оказалось созвучно имени моего главного врага последних лет Марка Робертовича Крассовского, с которым у меня остались несведенные счета. В голову лезли дурные мысли, но я понимал, что сейчас на мои плечи возложена куда более важная задача, нежели гипоте-

тические размышления о схожести фамилий древнеримского полководца и моего современника-олигарха. Времени на размышления не оставалось, поэтому я усилием воли заставил себя выбросить мысли о Крассовском из головы прочь.

Буря, не утихающая вот уже пятый час подряд, занесла снегом Регийский полуостров. Я всмотрелся в горизонт, но не увидел там ничего, кроме сплошного белого покрывала. Снег, казалось, был повсюду. Любые планы мог попутать сильный, местами шквальный юго-западный ветер. Тут было над чем задуматься. Сугробы затрудняли передвижение и возможность прорыва из блокады, в которую Марк Красс заключил отчаявшихся рабов. Ввиду непогоды я вряд ли мог рассчитывать на внятный штурм римских укреплений, которые тянулись на протяжении 160 стадиев, по современному исчислению, перекрывая перешеек, а вместе с ним наши пути отступления, от и до. За спиной бушевало море, беспощадное и жуткое в это время года. Капкан захлопнулся, выхода не было. Наш лагерь изнутри раздирали противоречия и склоки. Я отдавал себе отчет, что каждого из нас вынесут отсюда ногами вперед для показательной казни через распятие. Наши тела будут висеть на холодных, вбитых в землю столбах, вдоль Аппиевой дороги от Капуи до стен самого Рима. На потеху и в угоду римским гражданам, в качестве жестокого урока остальным рабам, коих в Республике насчитывались сотни тысяч человек. Сколько мы еще продержимся здесь, будучи отрезанными от внешнего мира? От Рута мне удалось узнать, что Красс брезгливо отметал любые попытки сесть за стол переговоров, которые предпринимал прежний Спартак. Претор грезил признанием сенатом своих заслуг в виде триумфа и венка. Мечтал проехаться на позолоченной колеснице, запряженной четверкой белоснежных коней. В пурпурной мантии, расшитой пальмовыми листьями, под овации и шум толпы. Красс лучше всякого понимал, что, отчаявшись, восставшие из последних сил бросятся на римские фортифицированные укрепления, что неминуемо закончится разгромом и полной гибелью повстанческого войска. Марк Лициний не боялся окрасить свои руки в крови многих невинных женщин и стариков. Для него все мы были лишь расходным материалом на пути к цели – славе и могуществу.

Все это было предсказуемо и лежало на поверхности. Крассу не надо было ничего делать, просто ждать. Он готовился поставить мат в этой партии и теперь с ухмылкой на лице потирал руки, вводя меня в состояние цейтнота. Поэтому то, что предпринимал претор сейчас, казалось мне невообразимой дикостью. Красс добровольно сдавал позиции. Я сжал кулаки, от напряжения свело скулы. Долго стоял неподвижно, уставившись в одну точку на горизонте, где за белым снежным покрывалом раскинулась линия римских укреплений. Что же заставило опытного полководца, познавшего азы военно-тактического ремесла у самого Луция Корнелия Суллы, совершить столь необдуманный шаг? Я покачал головой и медленно разжал кулаки, буквально горевшие от напряжения. Одно я знал точно: недооценивать человека, получившего чрезвычайный империй от сената, было бы крайне глупо с моей стороны. Поэтому-то я не сразу увидел подвох, который, как стало понятно позже, лежал на поверхности.

Я все еще размышлял, когда ко мне подбежал запыхавшийся, непохожий на себя Рут.

– Спартак, если Ганник и Каст решат повести своих людей навстречу легиону Красса, то мы ничего не сможем сделать! Эти двое действительно спелись, а за ними две главные силы в нашем войске – гладиаторы и бывшие ветераны. – Рут из-за одышки говорил сбивчиво, вытирал струящийся пот со лба. – Ты должен возглавить наступление! Ганник и Каст собирают сторонников прорыва!

Я ответил не сразу, продолжил всматриваться в бушевавшую стихию на горизонте.

– Тебе не кажется странным такое поведение Красса? – спросил я.

– Странным? – Рут всплеснул руками. – Они хотят застать нас врасплох! Дозорные доложили, что Красс вот-вот выдвинется на нас с личным легионом, не дожидаясь остальных! Он разрывает линию обороны! Мы... Мы... – Рут запнулся, сглотнул. – Я не очень-то и люблю

Ганника с Кастом, но думаю, что самое время ударить с ними по рукам и перейти в наступление. Мы разобьем римлян, Спартак!

Было видно, что гладиатор сильно возбудился. Его грудь вздымалась от частого дыхания, ноздри расширились, на лбу проступила вена. В отличие от меня ликтор был истощен войной, продолжавшейся вот уже третий год подряд, и мысль о том, что мы можем упустить предоставленный самой судьбой шанс разбить римлян наголову, казалась для него чудовищной. Однако подобное отношение Рута, как и большинства воинов из нашего лагеря, играло с ними плохую шутку – они ослепли в своем желании выбраться из римского капкана. Никто из них не попытался понять логику римского претора и не захотел отстраниться, чтобы посмотреть на ситуацию, сложившуюся вокруг нас, со стороны.

Вот что доносили наши дозорные. В лагере Красса начались активные приготовления, а один из семи римских легионов готовился перейти в наступление и совершить марш-бросок к нашему лагерю. Еще шесть легионов, рассредоточенные вдоль фортифицированной границы укреплений через каждые четыре стадия, были переведены в полную боевую готовность и стягиваются воедино в проконсульский лагерь, чтобы перейти во всеобщее наступление.

Такой маневр можно было назвать провокационным, рискованным, ведь, стягивая легионы воедино, Красс открывал свободные зоны для бегства восставших, подставлял под удар легион, который выдвинулся к моему лагерю первым. Но назвать Красса дураком не поворачивался язык. Скорее всего, я мог бы назвать претора охотником, использующим тактику ловли на живца. Никто в моем лагере, включая Рута, не понимал, что мы выступали в этом действе в качестве зверя, клонувшего на приманку, которой стал высланный вперед римский легион. Красс тонко прочувствовал психологию восставших рабов и знал, что подобный, кажущийся безрассудным, поступок заставит моих воинов выйти из лагеря навстречу римским легионерам. Что потом? Картинка складывалась в голове все четче. Далее доселе избегавший боя в открытую Красс вновь скомандует отступление к линии укреплений, к лагерю, у которых легион будет ждать подкрепление, а силы восставших – полный и окончательный разгром. С другой стороны, опытный полководец не мог не учитывать погодные условия. Славящимся тактикой и дисциплиной римским легионам будет сложно держать строй в такую погоду.

Я рассмотрел ситуацию под разными углами, пытаюсь мыслить нестандартно. Нет, ничего более путного в голову попросту не приходило. Объяснить иначе действия Красса я не мог. Но что-то здесь было не так, тут было над чем задуматься. Свои сомнения я озвучил вслух. Рут замялся, было видно, как гладиатор пытается сформулировать свои мысли. Наконец он сказал, уже без былого запала:

– Ты прав, Спартак, я об этом не подумал. Это ловушка... Красс что-то задумал, нам нельзя принимать этот бой! – Он схватился руками за голову, понимая, что в лагере полным ходом продолжаются приготовления. – Что мы будем делать?

– Надо остановить это безумие, – прошептал я и уже громче добавил: – Собирай совет!

Рут, ничего не говоря, бросился в самую гущу лагеря, туда, где громкими, зычными голосами отдавали приказы окрыленные Ганник и Каст. Этим двоих я не мог больше игнорировать, придется находить с ними общий язык. За ними стояла треть умеющих держать оружие в своих руках восставших, ударная сила моей армии.

* * *

Гай Ганник и Каст явились на совет незамедлительно, что стало для меня неожиданно. Этим двум полководцам было поручено управление лучшими легионами повстанческой армии, с помощью которых Спартак прежний выиграл не одну битву. Как и я, оба полководца были облачены в пурпурные плащи поверх мускульных панцирей на манер высших римских магистратов, вооружены гладиусами. Они выглядели возбужденными и озадаченными. В ответ

на мой прямой вопрос о преданности Ганника и Каста общему делу полководцы поспешно заверили меня, что готовы выполнять все до одного мои распоряжения, но только лишь в том случае, если они не противоречат идеям свободы, того общего, что некогда объединило восставших. Разговор вел Каст, галл по происхождению, бывший гладиатор школы Лентула Баттата и, без сомнения, один из лучших бойцов Капуи своего времени. Я, к тому моменту слабо ориентировавшийся в ценностях рабов, понятия не имел, что имеют в виду эти двое. Поэтому вопрос Каста отчасти поставил меня в тупик.

– Чего ты хочешь, Спартак? – спросил он.

Глаза галла сузились, он смотрел на меня настороженно, испытываяюще. Однако в его взгляде я чувствовал напряжение, смешанное с тревогой. Ганник, по происхождению кельт, на пару с Кастом ставший на сторону Спартака еще в Капуе, держался в стороне и был менее разговорчив. Он сидел на корточках, внимательно слушал, но всякий раз опускал глаза, когда я пытался встретиться с ним взглядом. Оба были отличными воинами, зарекомендовавшими себя не только на арене Колизея, но и в бою с legionарями. Оба имели некоторые представления о тактике, строе и боевом порядке, подсмотренном у римлян. На тот момент, когда Каст озвучил свой вопрос, я уже поделился с ними своими тревогами относительно действий Марка Красса.

– Отступление отменяется! Боя не будет! – отрезал я и не отвел взгляд, но надо сказать, что далось мне это с трудом.

– Почему? – приподнял бровь Каст.

Я почувствовал, что вскипаю. Подошел к Касту и трижды постучал костяшками пальцев по его лбу. Галл вздрогнул, нахмурился, но остался недвижим.

– Рут, он серьезно не понимает? – прошипел я.

– Не заводишь. – Гопломах коснулся моей руки и вместо меня попытался донести до Ганника с Кастом наши опасения.

Каст, будучи человеком малоэмоциональным, скрытным, хмыкнул, что, судя по всему, можно было воспринять за усмешку. Пожал плечами, затем спросил:

– Предположим, что мы отдадим такой приказ. Думаешь, кто-то послушает? – Он приподнял бровь. – Ты всерьез так считаешь, Спартак?

– Мы можем сказать нашим братьям то же, что сказали вам! – Рут ударил себя кулаком по груди. – Спартак наденет свою консульскую тогу! А мы, ликторы, вместе с ним выйдем к народу!

– Мы? Что значит «мы отдадим приказ»? – проревел я. – Приказ отдал я!

Каст покачал головой.

– В таком случае прямо сейчас можешь надеть свою тогу, выйти из шатра и озвучить все до одного свои приказы людям! Посмотрим, что из этого выйдет! – процедил Каст. Я видел, как заходили желваки на его скулах.

Слова полководца немного остудили мой пыл. Я хотел было возразить, но сдержался. Каст продолжил:

– Никто даже не станет слушать. К тому же это только ваши догадки. Люди не могут больше терпеть, ни у кого не осталось сил. Да и что изменится потом? Области вокруг опустошены – Регий, Локры Эпизефирские, все до одного города! Мы передохнем с голоду! Вы этого хотите? – мрачно спросил он.

– При всем моем уважении к тебе, мёоезиец, это действительно так. Народ взволнован. Галлы, кельты, германцы готовы разорвать Красса живьем, – вдруг сказал Ганник. – И никто ничего не станет слушать. К тому же брат Каст прав – то, о чем говоришь ты и Рут, всего лишь домыслы. Я не склонен верить домыслам, а полагаюсь на свои уши и глаза, как и большая часть наших братьев.

– Ты забыл, ради чего все это начиналось? – пожал плечами Каст. – Не мне...

– С каких это вы пор спелись! – перебил галла Рут. – Куда делись ваши споры? Вы же ненавидели друг друга! Не ты ли, Каст, говорил, что презираешь Гая Ганника, считая, что у него не хватает мужества скинуть с себя рабские оковы и он все еще подчиняется доминусу?

– У нас есть один общий враг, и это Рим! – отрезал Каст.

– Хватит! – резко, возможно, жестче, чем следовало, оборвал я. – Не об этом речь, говори по существу!

– Все, что я говорил, было сказано по существу, Спартак, – гордо вскинул голову галл.

Я промолчал, надеясь, что в наш спор вступят остальные члены совета. Однако грек Икрий и бербер Тарк сегодня молчали, предпочтя остаться в стороне, угрюмые, погруженные в себя с головой. Нумидиец Висбальд покачал головой.

– Мне нечего сказать, – отрезал он.

Рут, который разошелся и никак не мог успокоиться, поднял руку, обращая на себя внимание.

– Вы понимаете, что поведете людей на убой? – язвительно спросил он.

– На убой? – Каст вдруг расхохотался. – И это говорит мне бравый гопломах? Ты предпочитаешь быть распятым, нежели пасть в бою, Рут? Или же ты видишь другие выходы? Отчего тогда собирать совет? Ты же германец? Выйди и расскажи своим братьям то, о чем думаешь! Может быть, они поверят тебе больше, чем мне, галлу!

Мне показалось, что я услышал, как скрипнули зубы Рута. Я понимал, о чем говорит Каст. В лагере восставших царили уныние и упадок – никто не верил в возможность прорыва римских укреплений. Казалось, вот-вот – и Красс возьмет лагерь голыми руками. В таком случае несчастных ждало неминуемое распятие, самая ужасная и позорная смерть из тех, что только можно было себе представить. Сейчас же судьба распорядилась так, что восставшие получили шанс с честью пасть на поле боя. Загнанные в угол, они попросту не видели других альтернатив и возможностей. Тут же моим людям выпадал такой шанс!

– А как же старики, женщины и дети, Каст? Знай, что я терпеть не могу тебя и потому плевать хотел на твою судьбу, но что будет с этими несчастными после того, как ты падешь в бою? Не перекладывай ответственность!

– Не твое собачье дело, гопломах! – вспыхнул Каст, которого слова Рута задели за самое больное. – Спартак, с каких это пор этот огузок входит в наш военный совет, да еще и получил право открывать свой рот вместо того, чтобы пасти своих лошадей?

Я пригласил Рута, ранее никогда не бывавшего на совете прежнего Спартака, по одной простой причине. Гопломах был единственным из тех, кто в новом для меня мире вызывал наибольшее доверие. Увы, вопрос Каста остался неотвеченным, так как в разговор вмешался Ганник.

– У тебя в распоряжении есть четыре хромы коня, привяжи свою задницу к сбруе покрепче да скачи отсюда прочь, пока глаза глядят. Вот только не отбей яйца о хребет своей кобылы, германец! – фыркнул он и, изобразив пренебрежение на лице, несколько раз ударил одной ладонью о другую по касательной, издавая приглушенные хлопки. – Пошел! Пошел!

– А ему и так хорошо, у него своя грива, вот только яиц, кажется, нет, – усмехнулся Каст. – Или Спартак вручил тебе рудис, и ты больше не будешь драться, а, Рут?

Рут на глазах побледнел и крепко сжал рукоять своего гладиуса. За клинок схватился Каст, который сделал шаг навстречу Руту. Казалось, еще немного, и гладиаторы будут готовы обнажить мечи. В воздухе витало напряжение. Достаточно было малейшей искры, чтобы совет перерос в драку. Этого нельзя было допускать. Я встал между ними и выхватил из ножен свой гладиус.

– Отставить! – Мои глаза сверкнули. – Первому, кто...

Я хотел в красках рассказать, что будет с тем, кто посмеет первым обнажить свой клинок, и с каким превеликим удовольствием я выпотрошу кишки наглеца, как Рут выхватил спату, а Каст гладиус и гладиаторы с ревом бросились друг на друга.

– Уйди, мёоезиец! – прошипел гоппомах.

Рут схватил меня за плечо и попытался оттянуть в сторону. Я сделал два шага назад, после чего вложил всю массу своего тела в апперкот, который прилетел точнехонько в массивный подбородок гоппомах. Несмотря на это, Рута, имевшего чугунную голову, только лишь повело. Германец подался назад, переступил с ноги на ногу, споткнулся о скамью и только после этого рухнул наземь, вернее, уселся на пятую точку и принялся мотать головой, приходя в себя. Не останавливаясь, я встретил прямым ударом ноги в грудь Каста, которого такая техника застала врасплох. Дыхание Каста сбилось, он выронил из рук свой клинок. Удар пришелся в солнечное сплетение, поэтому бедолага принялся судорожно хватать воздух ртом, словно рыба, выброшенная прибоем на берег. Я подобрал мечи обоих гладиаторов и бросил их на стол. Противно брякнул металл.

– Какие-то возражения? – Я перевел взгляд на Ганника, который, впрочем, так и остался сидеть на присядках.

– Я тебе чем-то мешаю? Или хочешь подраться? Только скажи! – расплылся в улыбке Гай.

Повисла давящая тишина. Разговор зашел в тупик, но я просто был обязан дать понять, а кому-то напомнить, кто здесь главный. Ни у Ганника, ни у Каста не должно было остаться никаких сомнений на этот счет. Рут, в свою очередь, раз и навсегда должен был уяснить, чем чревато самовольство среди моих офицеров. В случае надобности я готов был покончить с любым, кто ослушается приказа, и поставить на место провинившегося нового человека. Чтобы хоть как-то спустить пар, я начал мерить палатку короткими шагами, чувствуя, как пружинят мои ноги от напряжения.

Ганник и Каст хотели жить. Сложно обвинять людей, которые руководствуются таким простым и понятным желанием. Казалось, они понимали нас с Рут, но все вместе мы не могли найти точек соприкосновения, от которых можно было бы оттолкнуться и вести диалог. Я злился на самого себя, проклиная все вокруг, что не могу подобрать нужных слов, и терял время, пока Марк Красс готовил свой легион к наступлению. В голове крутились всевозможные варианты.

Может быть, стоило разрешить германцу и кельту довести дело до конца и схватиться в честном бою? Впрочем, окажись сейчас в моей палатке труп одного из гладиаторов, проблема все равно бы никуда не ушла, а я бы лишился незаменимого бойца.

По факту же Ганник и Каст, будучи неким голосом масс, четко сформулировали и обозначили свой посыл – подавляющая часть восставших хотела римской крови здесь и сейчас. Любые мои слова, доводы, призывы будут сказаны впустую. Германцы и галлы, формирующие львиную долю моего войска, ратовали за немедленный бой с римлянами. Сражения не избежать. Все, что я мог, – перебить ставку в этой игре. Сделать все, чтобы взять ситуацию под контроль и выйти победителем.

Каст и Рут пришли в себя и смотрели на меня исподлобья. В глазах Рута застыл укор. Гоппомах грузно поднялся на ноги, отряхнулся и забрал со стола свою спату. Могучий гладиатор явно не понимал, за что ему досталось от меня. Каст с вызовом посмотрел мне в глаза, но я покачал головой. Тогда гладиатор, массируя одной рукой ушибленную грудь, второй схватил свой гладиус со стола и засунул его в ножны.

Я продолжал мерить шагами палатку вдоль и поперек, сделав, наверное, уже с тысячу шагов. В тишине, воцарившейся в палатке, было слышно, как подошва чиркает о землю. После привычной обуви, которую я носил в России, зимой эти римские сапоги, несмотря на закрытый носок, ни капельки не спасали меня от холода. Привык я быстро, не такое доводилось терпеть. Прежний Спартак снял эти сапоги с одного из убитых римских центурионов-прими-

пилов из армии разгромленного претора Вариния. Правда, тогда восставшим противостояло совсем другое римское войско – до децимаций, до Красса... Я вдруг остановился и уставился на кончики своих сапог. Задумался. Армия Красса славилась тактикой и выучкой – победить эту машину для убийств было невозможно, не противопоставив ей точно такой же маневренности, тактической обученности и дисциплины. Мое войско не отличалось подобной выучкой, но ведь с точно такой же римской армией в распоряжении были биты Вариний, Лентул, Геллий! Так стоило ли тягаться с римлянами там, где они объективно превосходили нас? Я знал, что в индивидуальном мастерстве бойцы, собравшиеся в моем лагере со всех концов Южной Италии, из разных гладиаторских школ, значительно превосходили римских легионеров! Это был джокер, который я мог выложить на стол. Оставалось понять, как этим козырем можно грамотно воспользоваться, чтобы достать его в нужный момент из рукава. Мысли лихорадочно завертелись в голове. Удалось нащупать нужную нить, и казалось, вот-вот верное решение окажется под рукой.

Я вздрогнул от неожиданности – Рут вдруг наподдал мне под бок, пытаясь вернуть меня к реальности.

– Спартак, да приди же ты в себя! – проскрежетал гладиатор.

Ганник и Каст, потеряв всяческий интерес к совету, направились к выходу.

– Ганник, Каст! – позвал их я.

Они остановились. Каст медленно, как-то нехотя обернулся ко мне, в его глазах читалась решимость.

– Ты не хочешь сказать «извини» за то, что устроил на совете, брат? – спросил я.

– Я пришел на совет как брат к брату, а увидел, как один человек пытается использовать другого! Это то, от чего мы бежали, когда мечтали о восстании в школе Батиата, вместе затягивая раны после выступлений на цирковых аренах! Скажи мне, мы вновь к этому идем? – холодно спросил он.

– Прости меня, если это так. – Эти слова дались для меня тяжело, но галлу было важно услышать это.

Было видно, как дрогнуло его лицо. Он подошел ко мне и обнял своими сильными руками. Я обнял своего полководца в ответ, чувствуя, как вздымается его грудь в рыдании. Так мы простояли несколько минут, прежде чем Каст пришел в себя.

– Прости и ты меня, мёоезиец, но мы должны принять этот бой, даже если он окажется последним! И я хочу, чтобы в этом бою мы сражались с тобой как прежде, плечом к плечу! Потому что это то, о чем мы с тобой мечтали, – отрезал он, вытирая слезы с глаз.

Я кивнул. Времени на дальнейшие споры не оставалось. План, который крутился в моей голове, обжигал. Хотелось действия! Дальше сидеть сложа руки было попросту недопустимо и грешно!

– Я уважаю мнения своих людей! И я пойду с тобой в бой в первых рядах, – холодно ответил я. – Но у меня к вам есть просьба, братья!

Каст приподнял подбородок, показывая, что готов выслушать. Обернулся Ганник.

– Прошу вас перейти в наступление после того, как вы услышите сигнал корна трижды! – выпалил я.

Гладиаторы переглянулись. Было видно, что моя просьба поставила их в тупик.

– Что задумал, мёоезиец? – спросил Ганник.

– Доверьтесь мне и просто сделайте то, что я говорю! У нас нет времени обсуждать план! – поспешил заверить я. – А сейчас готовьте людей, совет закончен! Лагерь полностью в вашем распоряжении!

Гладиаторы вновь переглянулись. Каст коротко кивнул. И оба они вышли из небольшого шатра. Следом совет покинули Икрий и Тарк, которые так и не проронили не единого слова.

Удалился Висбальд, угрюмый и погруженный в свои мысли. Мы остались с Рут наедине. Гопломах не понял, что произошло, и смотрел на меня выпученными глазами.

– Что происходит? – спросил германец.

Я не ответил на его вопрос, а только отдал приказ.

– Собери мне с дюжину таких же, как ты, рубак, Рут. Мне нужны только лучшие.

– Не сдвинулся с места, пока ты не скажешь мне, что ты задумал, Спартак! – мотнул головой Рут.

Я знал, что гладиатор говорит так потому, что его в первую очередь заботит моя безопасность. Поэтому ответил.

– Мы ненадолго покинем лагерь, это все, что я могу тебе сказать сейчас.

– Как скоро тебе нужны люди? – уточнил германец, его конский хвост растрепался после взбучки, но, казалось, Руту сейчас не было никакого дела до этого.

– Сейчас же! – отрезал я.

Рут было бросился к выходу, но я остановил его, не успел гладиатор сделать и шагу.

– Рут! – позвал я гопломаха.

Он обернулся.

– Спартак?

– Никто не должен знать о нашем разговоре! Никто!

– Сделаем!

Я хотел сказать что-то еще, но запнулся и крепко обнял смутившегося гопломаха. – Прости, брат, что мне пришлось съездить тебе по чердаку. И спасибо тебе за все!

Гладиатор ответил широкой обезоруживающей улыбкой, которая смотрелась нелепо на суровом, покрытом шрамами лице бывалого воина. Улыбка была настолько искренней, что на секунду мне показалось, что я чувствую исходящее от Рута тепло. Это был большой человек во всех смыслах этого слова. Я уже знал, что германец верит мне безоговорочно и именно на него я могу положиться в самую трудную минуту, как на самого себя. Времени объясняться и вдаваться в подробности действительно не было. Теперь от того, насколько быстро я реализую задуманную мной идею, зависела наша судьба.

* * *

Раздался сигнал корна. Крассовский расплылся в улыбке и потер руки. По заверению военного трибуна латиклавия Тита Верилия, приготовления займут не больше часа, после чего его, Марка Робертовича, любимый легион, который он считал личным, перейдет в наступление. Тит Верилий казался человеком ответственным, поэтому не должен был подвести. Марк Робертович расположился поудобнее на табурете, твердо решив отметить свое первое принятое решение, когда в проходе шатра появился центурион-примипил.

– Разрешите войти! – Он говорил отрывисто, голосом человека, привыкшего отдавать команды.

Крассовский усилием воли заставил себя обернуться к выходу, но не выпустил из рук чашку фалернского вина. Сейчас центурион выглядел неважно, не столь убедительно, каким Марк Робертович видел его на военном совете часом раньше. Одной рукой центурион то и дело поправлял плащ, разглаживая его, будто нашкодивший мальчишка, каждый раз находя на нем все новые складки. Вторую руку он положил на шлем с гребнем, пристегнутый к поясу. Лицо примипила покрылось румянцем, на лбу блестели крупные капли пота.

– Гай Тевтоний! Заходи, конечно же. Мой любезный, такому человеку, как ты, негоже спрашивать моего разрешения, – расплылся в улыбке олигарх. – Готов биться об заклад, твоя скромность может поспорить только лишь с твоей отвагой в бою!

– Не стоит, Марк, тебе это не идет. – Центурион ответил довольно-таки резко, произнеся эти слова на выдохе. – Давно ли ты стал таким? Или так на тебя действует фалернское?

Марк Робертович приподнял бровь, насторожился. Поставил чашу с вином на стол и вымерил примипила взглядом.

– О чем желаешь говорить? – спросил он все так же любезно, как прежде.

– Я хочу поговорить о решении, которое ты принял на совете! И о последствиях, которые оно может за собой принести! – заявил Гай Тевтоний.

Крассовский напыщенно фыркнул. Со вздохом наполнил свою чашу вином.

– Вот ты о чем... Я что-то неясно сказал тогда на совете? Может быть, ты невнимательно слушал? – поинтересовался олигарх, прищурив один глаз и рассматривая вино в своей чаше. – Или тебя подослал латиклавий?

Центурион замотал головой.

– Все ясно! И слушал я тоже внимательно, да и не подсылал меня никто! Я думал, ты хорошо знаешь своего ветерана, Марк, чтобы думать, что я способен носить сплетни, словно базарная баба!

– Как же, как же, любезный, все я помню! Уж не с тобой ли мы гоняли этих вшивых марианцев, о которых ты столь нелестно отзывался за ужином? – Олигарх покосился на Гая Тевтония.

– С кем же еще! Конечно, со мной! – буркнул центурион. – Поэтому, уж поверь, Марк, я пришел к тебе не за тем, чтобы сплетничать!

– Говори! Ну-ка!

– Дело в том, что нельзя отдавать такой приказ, Марк, и ты сам это прекрасно знаешь! Об этом я и хочу поговорить с тобой!

Гай Тевтоний подошел к столу, оперся о столешницу и посмотрел в глаза Крассовского взглядом, от которого у многих в Республике захватывало дух. Это был взгляд, который видел на своем веку не одну смерть и впитал столько боли, что не могла присниться ни в одном страшном сне. Марк Робертович знал этого солдафона не так давно, но уже был наслышан, что во время гонений марианцев Тевтоний был среди тех, кто спускал псов по следу убегающих людей. Неприятный и мнительный человек.

Олигарх не испугался, но все же не выдержал прямого взгляда своего центуриона, опустил глаза, закашлялся и тут же выпил вина, желая протолкнуть ком, который в этот миг встал поперек его горла.

– Смотрю, ты никак не успокоишься? – пропыхтел он. Захотелось курить, но сигареты, как назло, в этой дыре было не достать. Марк Робертович с раздражением добавил: – Ладно! Только давай по делу, я не хочу слушать про твои шеренги и прочую чушь! А еще я не хочу слушать о том, что Республика боится какого-то раба! От одной этой мысли мне уже тошно! Позволю напомнить, что сенат дал в мои руки чрезвычайный империй, Тевтоний! Мне, не тебе, Гай! Заруби себе это на носу! А я не боюсь рабов, солдат!

Примипил вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Марк... – начал было центурион, но Крассовский накрыл своей ладонью его ладонь, лежавшую на столешнице.

– Что Марк? Хорошенько подумай, прежде чем сказать что-то, правда, – остудил он центуриона.

Гай Тевтоний замолчал, задумался. Крассовский пригубил вина, чувствуя, что начинает раздражаться. Вино здесь было довольно-таки сносным, но вонючим, несмотря на заверения в выдержке. Впрочем, к необычному запаху мокрой тряпки Марк Робертович быстро привык, решив не обращать на него внимания. Лучше дрянное вино, чем его отсутствие. Так наверняка сказал какой-нибудь великий человек, а Марк Робертович любил повторять мысли великих, к коим без лишней скромности причислял самого себя.

Распоряжение было отдано, и, как заметил Марк Робертович, люди, окружавшие его здесь, выполняли любые приказы без колебаний и промедлений. Олигарху без труда удалось вжиться в образ человека, в теле которого он самым что ни на есть причудливым способом оказался, и с ходу завоевать доверие римлян, большинство которых не чаяло в нем души. Первая заминка случилась только сейчас, и кто бы мог подумать, что источником проблемы станет его центурион Гай Тевтоний, который пытался вставить палки в колеса его телеги. С такими не сваришь каши, считал Марк Робертович. Ничего подобного нельзя было сказать об остальных странных, но полезных людях, облаченных в доспехи, вооруженных причудливым оружием и зачастую несущих всякую непристойную чушь. Все они были исполнительны и услужливы. Но этот... Почему-то этот товарищ примипил не понял его слов с первого раза, судя по тому, что пришел поговорить еще. Вспомнился только что закончившийся внутренний военный совет его личного легиона. Примипил и шестеро его сообщников, именующих себя военными трибунами, подстрекаемые латиклавием Августом Тацием, лили много воды, рассуждали о тактике, маневрах и построении. Но, самое главное, все до единого, они пытались оспорить его, Марка Робертовича, решение. Призывали созвать общевойсковой совет, пригласить командиров армии Муммия, Суллу, Лонга и Квинкция. Пришлось прервать весь этот казавшийся нескончаемым бред, послать всех к черту и еще раз напомнить, что решение претора Марка Красса, как все его здесь называли, не подлежит обсуждению. Напомнить, что у него, Марка Красса, есть чрезвычайный империй, подразумевающий проконсульские полномочия, выданный ему не абы кем, а сенатом.

Август Таций пришел в ярость, угрожал написать в сенат письмо и даже говорил о том, что откажется брать командование легионом на себя. Трибуны наперебой, словно голодные чайки на пристани, твердили о том, что сейчас не время бить по лагерю восставших, предлагали выждать, заверяя, что вскоре рабы сами согласятся на капитуляцию либо же пойдут в необдуманную атаку. Однако свою роль сыграли децимации, которые устроил тот, в чьем теле оказался Крассовский. Марк Робертович прямо на совете заявил, что не прочь все это повторить. Он потребовал немедленно разбить когорту Тация на контрuberнии, чтобы легионеры смогли бросить жребий. Угроза повторения децимаций вынудила изменить решение военных трибунов и остыть брызжущего слюной Августа Тация.

Марк Робертович был неглупым человеком и понимал, что ему потребуется время, чтобы проникнуться новым для себя местом и временем. Он мог не знать многих тонкостей, обусловленных особенностями военного дела. Но времени теперь у него было вагон, здесь все шло гораздо медленнее, нежели он привык, находясь в Москве. Поэтому времени на то, чтобы понять нюансы боевого построения когорты и тактики, у него было хоть отбавляй. Сейчас же доводы собственных армейских командиров казались безумной чушью. Как какая-то горстка рабов могла противостоять обученному войску римлян! А еще он знал, что такие люди, как Август Таций, а заодно с ним Гай Тевтоний, обычно плохо заканчивают. Были такие на памяти Марка Робертовича. И что, где они сейчас? Один подружился с лягушками, рыбками и илом на дне одной замечательной реки. Второй спит вечным сном в сосновом бору. Этот список можно было продолжать бесконечно, и чтобы отогнать от себя неприятные воспоминания, Марк Робертович пригубил фалернского.

Возможно, он согласился бы подождать, если бы не одно «но», небольшое, но способное сыграть важную роль при дальнейшей расстановке сил. За ужином Крассовскому стало известно о том, что Марк Красс, в теле которого оказался Марк Робертович, отправил наемни письмо в Рим. Отчаявшись после разгрома рабами войск Муммия, претор испугался за судьбу Рима и просил у сената помощи, призывая прислать на подавление бунта дополнительные легионы. Крассовский хорошо помнил историю и знал, что если протянуть сейчас, то в борьбу с восставшими включатся Гней Помпей Магн и Марк Варрон Лукулл, которые имели все шансы отобрать лавры победителей Спартак. Не хуже олигарх помнил историю о том, что

Спартаку удалось обхитрить Красса и уйти из Регия, ловушки, которая в тот момент казалась смертельной для мёезийца и его приспешников. Известие наряду со знанием исторических фактов добавило уравнению иксов. Марк Робертович не знал, когда к делу подключатся Лукулл и Помпей, но идея прорыва из оцепления могла прийти в голову Спартака уже сегодня ночью. Все это могло серьезно ударить по дальнейшим планам олигарха, Крассовский не хотел повторять ошибки Красса, которого считал недалёковидным идиотом, поэтому отдал приказ – армия восставших должна быть уничтожена уже сейчас. Изможденные голодом и холодом, рабы попросту не смогут оказать должного сопротивления римскому войску, а неожиданная атака поможет застать лагерь рабов врасплох. Доводы примипила и военных трибунов о том, что Спартак является искусным полководцем, а снежная буря может замедлить переход, Крассовский отверг как сущую нелепицу. Ожидать на совет Суллу, Лонга, Муммия и Квинкция он отказался вовсе.

Марк Робертович понял, что начинает вскипать. Впереди его ждали гораздо более важные дела. Он прекрасно знал о ресурсах, которыми обладал прежний Марк Красс, один из богатейших и влиятельнейших людей древности, обогатившийся во время диктатуры Суллы за счет проскрипций. Шанс, которым грех не воспользоваться. Страна-демагог, возможность безграничной власти. От одной мысли об этом у Крассовского захватывало дух. И, возможно, во многом поэтому он испытал радость, когда узнал, что с ним произошло. Там, в России, через две с лишним тысячи лет, он попался с поличным. Этот мерзавец Гладков, которого Марк Робертович считал таким же никчемным выскочкой, как раба-мёезийца Спартака, и ставил их в один ряд, приравнивая к биологическому мусору, не побоялся довести до конца начатое, и теперь ему грозили судебные разбирательства, финансовые потери, возможно, реальный срок или банкротство. Здесь же все выглядело совсем иначе. Единственной властью были он и тысячи отборных солдат, оказавшихся в его распоряжении.

Крассовский закашлялся и, чтобы протолкнуть ставший поперек горла ком, пригубил красного вина. Он поставил на стол вторую чашу, плеснул в нее фалернского и пододвинул на край столешницы, к центуриону.

– Присядь, выпей, – распорядился Крассовский.

Гай Тевтоний, все так же стоявший у края стола, одним глотком осушил вино и задумчиво уставился куда-то в одну точку на противоположной стене шатра.

– Помолчим... – Крассовский пожал плечами.

Он задумался, понимая, что вряд ли говорит по-русски сейчас. Из его рта доносились другие слова; как мог понять Марк Робертович, это был мертвый язык – латынь. Язык великих правителей, полководцев, философов и ученых. Он не знал, где и когда успел выучить латынь до уровня владения в разговорной форме, если до того знал лишь несколько общих фраз и пословиц. Впрочем, такой расклад только лишь забавлял олигарха. Слышать из своего рта речь на латыни, вдруг ставшей родным языком, было даже забавно. Центурион наконец присел на табурет, наблюдая, как Крассовский наливает в его пустую чашу вино. Судя по всему, подобное панибратство здесь было не принято. Но пить в одиночку Марк Робертович не любил и плевать он хотел на те обычаи, которые здесь были установлены до него. Он – тот человек, который приходил в чужой монастырь со своим уставом, иначе не добился бы в своей жизни таких высот. Всегда и везде Крассовский устанавливал собственные порядки.

Наконец его размышления прервал голос центуриона.

– Я не узнаю тебя, Марк! – вдруг сказал он. – Почему ты изменил решение? Ты думал о последствиях?

– О каких последствия ты говоришь, Гай Тевтоний? – Марку Робертовичу, которого порядком утомило общество примипила, все сложнее было скрывать свое раздражение.

– Может быть, ты забыл об участии Гая Торания и Публия Вариния? – Центурион сверкнул глазами. – Ты хочешь повторить их судьбу?

Крассовский вздрогнул. Рука с чашей медленно опустилась на столешницу. На лице застыла гримаса раздражения.

– Гай, может быть, напомнить тебе о битве у Коллинских ворот? Цыплята курицу не учат, а центурионы исполняют распоряжения главнокомандующих, не наоборот...

– Я не закончил! – прорычал Тевтоний. – Ты писал письмо в Рим с просьбой выслать тебе подмогу в лице Помпея и Лукулла, Марк! Еще вчера ты понимал, что Спартак не взять голыми руками! Теперь же ты лезешь на рожон и ставишь на карту все, одним махом предоставляя Спартаку возможность перечеркнуть все твои былые заслуги. Одумайся! Дождись Лонга! Поверни легион, ты ведешь на убой своих людей! – Трибун всплеснул руками. – Тебе не видать венка и триумфа, если ты лишишься легиона, если ты утратишь знамя! Ты подавишь восстание, но каковы будут потери, Красс? Кто доверит консульство человеку, который погубит свои легионы в сражении с рабом?

– Приказы не обсуждаются, мне думалось, что такому человеку, как ты, незачем объяснять столь очевидные вещи, – отрезал олигарх.

– Может быть, тогда ты поведешь свой легион в бой лично? – прошипел Гай Тевтоний. – Мне кажется, что ты достаточно почерпнул у Суллы, преследуя Мария. Что скажешь?..

Примипил запнулся. Послышался то ли удар, то ли хлопок. Было видно, как исказилось лицо Гая Тевтония, как округлились его глаза. Он медленно перевел взгляд с олигарха на столешницу, туда, где располагалась его рука, и сглотнул. Между пальцами правой руки, которой центурион опирался о стол, торчал кинжал. Крассовский, лицо которого в этот миг исказила ярость, схватил центуриона за край плаща и потянул его к себе.

– Я скажу, пошел вон! – прорычал он.

Марк Робертович рывком высвободил кинжал из столешницы и отпустил плащ. Растерявшийся центурион, потеряв равновесие, упал на пол, приземлившись на пятую точку.

– Ты! Ты... – Задыхаясь от гнева, с округлившимися глазами, вылезшими на лоб, разъяренный центурион покачал головой. – Если бы не твоя тога, Марк!

– Вон! – повторил олигарх.

Приказ был отдан. Марк Робертович был не из тех людей, которые имели привычку отступать. Олигарх, красный как вареный рак, не удосужился даже проводить Тевтония взглядом, когда обескураженный центурион двинулся к выходу, то и дело хватаясь за рукоять своего гладиуса. Возможно, сразу после совета трибуны и примипил уже написали в Рим письмо, в котором проклинали Марка Красса. Пока письмо дойдет до сената, он успеет закончить начатое. Цель оправдает средства. А такие люди, как Гай Тевтоний, не будут нужны в его команде. Пусть катится к черту! Да, этот тупоголовый бык мог быть во многом правым, и Крассовский действительно вел своих людей на убой. Но без жертв и крови не выигрывалась еще ни одна война. А ради своего блага он был готов жертвовать судьбами других людей. Не зря тот человек, в теле которого он оказался, чье место занял, говорил, что Марк Красс не откажется от задуманного – это не в его правилах. Олигарх выплеснул в свою чашу остатки вина. Следовало выпить за будущие успехи. Это был его первый шаг в новом для себя мире. Он знал, что не имеет права ошибаться. Однако остатки вина не пошли – Крассовский поперхнулся, закашлялся, разлил вино по столешнице и грубо выругался, запустив чашей в стоявший неподалеку табурет. Здесь, на Регийском полуострове, у него больше не было дел. Сейчас следовало убраться подальше с поля боя, оставив командование офицерам.

Глава 2

Рут привел лучших элейских и каппадокийских скакунов, каких только можно было достать. Скакали парами, когда копыта лошадей попадали в сугробы, животные недовольно ржали, и я понимал, что на обратную дорогу у наших коней попросту не останется сил, – лошади взмылятся и будут загнаны. Сильная пурга и снег не оставляли гнедым шанса, несмотря на то что между нашим лагерем и лагерем римлян было чуть меньше лиги по прямой. На кону стояли человеческие жизни, поэтому я то и дело подгонял Рута, который выступал в роли всадника в нашей паре, и просил гопломаха не жалеть коней.

– Прибавим! Рут! Ходу! – кричал я.

Вдвоем с Рутом мы едва разместились на спине жеребца. Я сидел сзади. Несмотря на то что тело, в котором я оказался, великолепно чувствовало себя верхом на лошади, я принорочился не сразу, так как ни разу до этого мне не доводилось совершать прогулок верхом.

– Загоним коней, Спартак! – откликнулся ликтор.

– Плевать! – процедил я.

Наступление должно было начаться с минуты на минуту, поэтому мы загоняли коней и мчали к видневшейся на горизонте фортификационной линии римских укреплений. Нас было десять человек, из числа тех, кто не раз проходил по тонкой грани между жизнью и смертью. Небольшая группа, но с помощью этих людей я намеревался сделать большое дело. Рут выполнил мою просьбу от и до. Бойцы подобрались как на славу, чтобы понять это, мне достаточно было одного взгляда.

Я всматривался в ночную мглу, ища глазами старший офицерский состав личного легиона Марка Красса в лице самого претора, который должен был лично возглавить легион и военных трибунов, передвигающихся верхом. Все до одного, это были те люди, кто мог возглавить сегодняшнее наступление римлян. Впереди показались огни факелов римского легиона, который вышел за укрепления. Первой я увидел тысячную когорту, охраняющую аквилифера, который держал знамя легиона – серебряного орла аквила, возвышающегося над головами солдат. Легион был переведен в полную боевую готовность и ждал сигнала о переходе в атаку, но, судя по всему, Красс и старшие офицеры все еще находились в лагере. Будь иначе, наступление уже давно бы началось.

– Вот они где, голубчики! Ниче, мы-то им рога пообломаем! – довольно пропыхтел Рут.

– Ты видишь офицеров? – насторожился я, всматриваясь сквозь слепящий снег в силуэты когорт.

– Я вижу римлян!

Из-за шквального ветра мы с трудом слышали друг друга. От возмущения и неприязни к римлянам мышцы могучего германца налились свинцом. Я больно пнул Рута в бок, немного не рассчитав силу. Гопломах вздрогнул всем телом.

– За что, Спартак?

– Не отвлекайся, если не хочешь все загубить! – прошипел я. – Ты забыл, ради чего мы здесь?

– Думаешь, Красс останется в лагере? – прокричал Рут.

Я не ответил. Существовала вероятность, что Красс поручит управление своим личным легионом латиклавию и дождет остальных легионов во главе с опытными легатами, чтобы затем самолично довершить разгром сил сопротивления у рва и высоких стен. Однако рассматривать подобный вариант всерьез было крайне рискованно.

Я осмотрел все еще неясные очертания римских фортификационных укреплений. Перевел взгляд на томящийся в ожидании легион, но рядом с когортами не увидел никого, кроме центурионов и опционов, которые покрикивали на своих солдат. Удалось разглядеть гор-

нистов, стоявших чуть поодаль знаменосцев, которые отнюдь не торопились трубить атаку. Красса и старших офицеров все еще не было рядом с легионом. Тем лучше. План, который мне удалось выносить в своей голове, приобретал реальные очертания. В моей задумке я видел шанс для доверившихся мне людей из лагеря, запертого от остального мира морем и рвом. При этой мысли я вновь пихнул в бок Рута.

– Ходу, брат! Не жалея лошади! – прокричал я.

Гопломах что-то выкрикнул, ударил коня по бокам, и изнеможенное животное, вложив в свой рывок последние силы, поскакало чуть быстрее. Видя, что наша связка с Рутот в очередной раз взвинтила темп, коней принялись подгонять остальные гладиаторы. Получалось скверно, копыта гнедых утопали в рыхлом снегу.

Наконец мы приблизились к территории римлян вплотную. Я приказал Руту перейти с галопа на спокойный шаг. Линию фортификационных укреплений я видел впервые, и, надо сказать, моя челюсть отвисла до самой груди. Картина поражала воображение. Огромный ров шириной и глубиной навскидку в три средних человеческих роста был укреплен земляным валом, как мне показалось, в высоту не меньше самого рва. Высокая стена, на вид прочная и надежная. На стене через равные расстояния стояли башни дозорных.

– Была бы воля, я бы... – Рут, никогда не отличавшийся красноречием, запнулся и с раздражением сплюнул, по всей видимости, не сумев подобрать нужных слов.

– Я не успел два раза по-большому сходить, как эти свиньи уже построили свои стены! – сказал один из бойцов Рута, который, как и я, сидел пассажиром на одном из коней.

Следовало отдать должное военному искусству римлян. Еще в лагере Рут многое рассказывал мне о стене. Среди прочего гопломах вполне серьезно говорил о том, что легионеры воздвигли эти фортификационные укрепления, которые полностью пересекали перешеек поперек от Ионического до Тирренского моря, за считанные дни. Попахивало враньем, но гопломах говорил эти слова с таким спокойствием, что усомниться в этом было трудно, вряд ли об этом мог не знать прежний Спартак. Я поймал себя на мысли, что, наверное, увидь я раньше всю эту конструкцию, то отчаялся бы не меньше восставших!

– Ума не приложу, почему римская свинья решила высунуть из-за укреплений свой нос? – самодовольно фыркнул Рут. – Что скажешь, Спартак?

Я отмахнулся. Действительно, за такими укреплениями, как эти, можно было переждать любой штурм. Стало понятно, почему Красс до последнего момента избегал боя в открытую, а брал восставших измором. Впрочем, теперь из моих рук ускользнула последняя нить из логической цепочки действий римского претора. Однако теперь, когда механизм был запущен, это было не столь важно.

– Рут!

– Чего, Спартак?

– Сколько дозорных на каждой башне?

Гопломах задумчиво почесал макушку.

– По пять, кажись, на каждую, – заверил он.

Я сосчитал башни из тех, что находились в пределах видимости, остался удовлетворен. Снежная буря, начавшая было сдавать позиции, все же сужала римлянам обзор и развязывала мне и моей группе руки. Из тех башен, с которых дозорные могли заметить нас, в пределах видимости были всего две башни, расположенные навскидку в сорока шагах друг от друга. Все совпадало с теми данными, которые я получил от разведчиков. Я видел на себе испытующие взгляды людей из своей группы. Пора было переходить к действию. Я обвел взглядом свою группу. В глазах этих людей читалась решимость.

– Трое по левую сторону, трое по правую. Остальные остаются со мной, – скомандовал я.

Шестеро гладиаторов, оставшихся на скакунах, двинулись в указанных мной направлениях. Я проводил их тяжелым взглядом исподлобья. К сбруе каждого скакуна была привязана

связка хвороста, обернутая в ткань, пропитанную смолой. В тот момент, когда прозвучит корн и римляне перейдут в наступление, эти шестеро расправятся с дозорными, подожгут хворост в полумиле отсюда и забросят его в ров или башни. Пожар на линии укреплений и последующий за ним сигнал тревоги должны будут задержать отъезд старших офицеров и Красса из лагеря, тем самым оторвать их от легиона. К месту пожара стянется охрана римского лагеря, что откроет нам прямую дорогу к палаткам высших офицерских чинов. Именно таков был мой план.

Рядом со мной остались Рут и еще пара человек, с которыми я уже был знаком лично. Парфянец Крат и галл Галант, славившиеся в моем лагере как одни из лучших стрелков. Мы приблизились к башням, я нахмурился и покосился на гоппомах. В карауле на каждой башне стоял только один человек.

– Рут, ты говорил, что их должно быть пятеро? – прошептал я.

Гоппомах пожал плечами, не зная, что ответить на мой упрек.

– Все верно, каждый легион выдвигает на караул по одной когорте, ночью сменяются каждые три часа, – подтвердил Галант слова германца.

Однако на башне сейчас стоял только один человек. Похоже, Красс решил собрать людей из караула для решительной атаки по нашему лагерю. Я отдал короткий приказ:

– Начинаем!

Свистнула тетива. Послышался глухой хлопок, затем еще один. В первый пролет V-образного рва упало тело легионера с первой башни, из его горла торчала стрела. Второму легионеру стрела попала в глаз – несчастный сделал несколько неуверенных шагов, вывалился с дозорной башни и ударился о земляной вал. Я почувствовал прилив адреналина – необходимо было перебраться через вал до того, как дозорные с соседних башен обнаружат прорыв.

– Рут!

Рут кивнул и метнул в дозорную башню тяжелый пилум, обвязанный крепкой веревкой на деревянном древке. Пилум, острый наконечник которого имел на конце зазубрины, вонзился в щель между сколоченных досок, словно влитой. Я схватился за веревку, дернул на себя несколько раз, проверяя, насколько крепко застрял наконечник в дереве. Пилум благодаря зазубринам сидел намертво и запросто мог выдержать не только мой вес, но и вес огромного двухсотпятидесятифунтового Рута. Пришлось изловчиться, перепрыгивая V-образный вал. Один неправильный шаг – и я запросто мог свернуть себе шею. Я оказался у башни и, будто альпинист, проворно вскарабкался по достаточно высокой стене укрепления, оказавшись в будке дозорного. Гладиус плавно выскользнул из моих ножен. Снег усилился, но это было только на руку тому делу, которое мы затеяли сегодня. Вокруг не было ни души, и я бросил веревку обратно через вал поймавшему ее Руту. Через несколько минут на башне стояли остальные члены моей группы.

Я обратил внимание, что Крат внимательно всматривается в темноту вдоль линии укреплений. Рука парфянца потянулась к колчану за спиной, он почти вытащил стрелу и собрался переступить через оградку башни, когда я положил руку на его плечо.

– Что ты задумал? – остановил его я.

– Я могу подстрелить еще одного, только вот подойду поближе, – проскрежетал он.

Я выругался сквозь зубы. В темноте, сквозь снег, я не видел соседней башни и тем более дозорного. А значит, дозорный не видел нас!

– Зачем? – Я сверкнул глазами, с трудом сдерживая в себе порыв выхватить из рук Крата лук и переломить его пополам. – Ты хочешь, чтобы нас засекли?

– Он даже не успеет пикнуть, Спартак! – На лице парфянца появилась усмешка.

Крат было натянул тетиву, как я, потеряв терпение, выхватил стрелу из его рук и выкинул в ров.

– Отправишься следом! – В моих руках появился короткий кинжал, лезвие которого я прислонил к шее Крата. – Вопросы?

– Это римлянин, который заслуживает смерти! – вспыхнул парфянец.

– Он все понял, Спартак, это недоразумение! – вмешался Рут, который буквально повис на моей руке с кинжалом.

– Я предупредил, – процедил я сквозь зубы, убирая кинжал за пояс.

Рут схватил Крата за шкуру и хорошенько встряхнул своего бойца, что-то разъясняя тому на смеси германского и латинского. Я не понял не единого слова, как наверняка и сам Крат, но парфянец покорно склонил голову, слушая своего непосредственного командира. Он побледнел, посмотрел на меня с недоумением, поправил колчан со стрелами на спине, но ничего не сказал, затаив обиду. Без слов было ясно, что стрелок не понимает, почему нельзя расправиться с римлянином, когда выпадает возможность подкрасться к нему незамеченным. Остался осадок. А ведь когда я объяснял своей группе, что следует делать, а что делать категорически нельзя, Крат был в первых рядах среди тех, кто соглашался и кивал головой. Впрочем, еще когда я шел сюда, я знал, что трудности будут возникать. Сложно объяснить человеку, почему он не имеет права отомстить ублюдку, сделавшему рабами тебя или твоих близких. Ненависть к римлянам сидела глубоко в крови многих племен. Римляне были для них как красная тряпка для быка.

Я еще раз убеждался, что мне следовало смотреть в оба, чтобы кто-нибудь из моей группы не натворил дел, способных разрушить мой план. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Рут, Галант или Крат вступили в схватку с кем-либо из римлян, оказавшись внутри лагеря, не будь то офицеры высшего звена либо сам Марк Красс собственной персоной. Я попытался отбросить эти мысли прочь из головы.

С башни отчетливо, как на ладони, виднелся лагерь римлян. Он защищал базировавшиеся немного выше легионы на случай нашей внезапной атаки. К лагерю подводила главная улица, навскидку не меньше семи перчев в ширину, которая тянулась через весь лагерь. Главная улица пересекалась рядами прямых улиц, тянувшихся поперек стены, вдоль которых стояли небольшие палатки легионеров, искусно сделанные из телячьих шкур на деревянном остоле, высотой с человеческий рост. Казалось, палатки были повсюду, напоминая грибы, выросшие после дождя, но на самом деле эти палатки с двумя входами с разных сторон больше напоминали по форме бабочку. Однако, как и во всем у римлян, в расстановке палаток прослеживалась планировка, что гарантировало маневренность при обороне на случай внезапной атаки извне. Среди палаток то и дело мелькали силуэты легионеров. Каждому из нас следовало уяснить – чтобы пробраться к шатру Красса, спрятанному гораздо глубже, в самом сердце римского лагеря, нам придется совершить подвиг. С минуты на минуту две тройки гладиаторов из моей группы должны были вступить в дело. Чувствовалось приятное напряжение, растекающееся по всему телу. Знакомое чувство предвкушения. Послышался сигнал корна – легион Красса перешел в наступление.

Наконец, сначала слева, а потом мгновение спустя и справа от нашей башни раздались приглушенные крики. Небо озарили вспышки полыхающей ярким пламенем стены. Это был наш сигнал к действию. Две тройки гладиаторов подожгли дозорные башни и часть стены.

– Все за мной!

Я спрыгнул с дозорной башни, моля Бога, чтобы на нашем пути сейчас не встретилось ни одного легионера, выставленного в караул, который мог бы замедлить наше наступление. Римляне все как один бросились к полыхавшим пламенем башням. Слышались сбивчивые команды, топот ног, брань и скрежет доставаемого из ножен оружия. Я выставил перед собой свой меч и бегом пересек первую улицу, когда вдруг передо мной появились двое легионеров. Совсем молодые, еще юноши, которых крики тессерария застали в палатке за уединением друг с другом. Судя по всему, их контуберния отправилась на построение, тогда как им двоим было

поручено нести караул. Один не сразу понял, что происходит, или сделал вид, что не понимает ничего. Он попытался заговорить.

– Как ты сюда попал? – нахмурился легионер с непритворным удивлением.

Второй оказался менее разговорчив и потянулся к мечу. Я ударил наотмашь, угодив круглой рукояткой гладиуса прямо в его мясистый нос и превратив его носовую перегородку в кашлицу. Послышался хруст ломаемых костей, брызнула кровь, и легионер со стоном опустился на колени. Я закончил дело точным ударом в подбородок, после которого римлянин потерял сознание и мешком завалился на землю. Второй легионер попятился, косясь то на меня, то на своего лежащего в отключке товарища. Было видно, как скривились его губы, и он было собирался звать на помощь, но с его губ лишь сорвался булькающий утробный звук – в горло вонзился заточенный, словно лезвие, метательный нож Галанта. Легионера откинуло на палатку, бездыханное тело медленно сползло в сугроб. Рут коротким ударом в грудь добил первого легионера. Галант как ни в чем не бывало вытащил из горла второго легионера свой метательный нож. Крат и Рут заволокли тела в палатку. Снег заметал все следы борьбы...

Мы двинулись дальше. Передвигались короткими перебежками и очень скоро оказались на главной улице лагеря. Я решил взять небольшую паузу и дать своим людям отдышаться.

– У них здесь целый военный городок, – пробурчал Галант, осматривая открывшуюся перед нашими глазами картину.

– Они боятся нас, Спартак! – воскликнул Рут.

– Боятся, – согласился Крат.

Я промолчал. К своему стыду, я не так много знал о римлянах, но в передаче, которую однажды видел по «Дискавери», слышал – римляне славились своими военными лагерями, к постройке которых подходили основательно и скрупулезно. Лагерь строились при каждом перевале, чтобы исключить неожиданную атаку врага, и в дальнейшем многие лагеря вырастали в целые города и бастионы. Зная это, я сомневался, что Красс или кто-то из его офицеров всерьез боялся оказавшихся на грани разгрома рабов. Но портить боевой настрой своих бойцов не хотел.

Мы затаились у главной улицы лагеря римлян. Я смотрел на небольшую квадратную площадку в самом центре римского лагеря. На претории расположились жертвенники, трибуна для обращения к солдатам, а также ряд палаток высшего офицерского звена. Большая палатка, в которой с легкостью поместилась бы целая центурия, без сомнения, принадлежала главнокомандующему, претору Марку Крассу. По правую сторону от нее стояла палатка немногим меньших размеров, которая, как заверил меня Рут, отводилась квестору. Слева располагалась более скромная, нежели первые две, но не менее помпезная, по сравнению с палатками обычных легионеров, палатка трибуна латиклавия. Палатки военных трибунов ангустиклавиев соседствовали с палатками латиклавия и квестора, расположившись по обеим сторонам от них. Непосредственно за главной улицей стояли квартиры легионеров, которые сейчас пустовали.

План сработал. Единственная палатка, в которой горели зажженные факелы, была палаткой самого Марка Красса. Все верно – мне удалось озадачить своим выпадом офицеров, которые остались в лагере и, возможно, собрались на военный совет, чтобы разобраться, что же произошло. Одновременно мне удалось на некоторое время оторвать их от легиона, который уже перешел в наступление. Оставалось поставить точку – мы выдвинулись к палатке претора.

* * *

Энергичный мужчина, меривший шагами палатку, сразу привлек мое внимание. Судя по интонации, с которой он вел разговор с окружающими его людьми, он был крайне раздражен и едва сдерживался. Я несколько раз слышал его имя – Гай Тевтоний. Судя по всему, он служил центурионом-примипилом в легионе Марка Красса, и мы застали его за выступлением

перед внимательно слушавшими его военными трибунами. Речь его сопровождалась обильной жестикуляцией. Трибуны слушали этого человека с открытыми ртами, по чему можно было судить, что Тевтоний занимал в легионе особое положение. Именно занимал – я смотрел в помутневшие, исказившиеся от боли глаза центуриона, когда он в ответ на мой вопрос «где Красс?» схватился за острие моего гладиуса и наделся на него, словно на шампур. Этот поступок следовало назвать достойным настоящего мужчины, чего нельзя было сказать об остальных собравшихся тут людях. Несмотря на то что нас было двое – я и Рут, а их шестеро, они не захотели принять бой. Трибуны подскочили со своих мест и попятились к другому выходу, смекнув, что охрана палатки мертва, а те, кто сумел проникнуть в хорошо охраняемый римский лагерь, наверняка умеют держать оружие в руках. Вот только с другого выхода их уже поджидали Крат и Галант. Схватки было не избежать. По парам, двое против троих с каждого входа преторской палатки. Четверо против шести. Я перехватил гладиус и бросился на застывшего у стены латиклавия, который в отличие от Гая Тевтония, разгуливавшего по палатке в тоге, успел облачиться в полное военное обмундирование. Голову его защищал шлем-касик с гребнем из конского волоса, на тело был надет торакс, ноги защищали поножи, на поясе висел ремень-балтеус с бронзовой накладкой. В руках трибун держал кинжал путио, по форме похожий на гладиус, со суженным у рукояти лезвием. Трибун, быстро смекнувший, что на кону стоит его собственная жизнь, с трудом, но отразил мой первый выпад, нацеленный ему в горло. Следующим ударом свободной руки я врезал ему в пах. Латиклавий нагнулся и жалобно застонал. Я приготовился добить поверженного врага, но в этот момент боковым зрением увидел летящий в мою голову табурет. Я не успел увернуться и прикрылся локтем. Глаза затмила боль – табурет плашмя врезался в болевую точку. Латиклавий, с которого слетел шлем-касик, бросился к столу, на котором лежал легкий пилум. Он перехватил пилум свободной рукой и запустил его в меня. Наконечник просвистел в двух пальцах от моего плеча, и пилум безучастно повис, вонзившись в шкуру палатки за моей спиной. Я заметил, что трибун смотрит мне за спину.

– Прикончи его! – заверещал он.

Сзади меня вырос второй военный трибун, ангустиклавий, кидавший табурет. Он держал в руках гладиус. Вдвоем они попытались оттеснить меня к краю палатки, чтобы лишить маневра и свободы действия. Отступая, я перевернул стол, используя столешницу в качестве оборонительного заграждения. В разные стороны полетели чашки, свечи с подставками, тарелки, по полу разлилось недопитое вино. Надо признаться, эти двое знали, с какой стороны держаться за меч, и ничуть не порочили свои сословия всадников и сенаторской аристократии. Единственное, о чем я сожалел сейчас, что вместо привычного боевого ножа в моих руках оказался гладиус, имевший совсем другой центр тяжести, иначе лежавший в руке, по-другому реагировавший на мои движения. К новому клинку следовало привыкнуть. Но где еще, как не в бою, следовало приобретать новый опыт? Видя, как замешкались оба моих визави, я уперся в перевернутый стол и резко ударил по столешнице ногой, вместе со столом оттолкнув от себя латиклавия. Он отшатнулся, не устоял на ногах, завалился на пол, придавленный сверху довольно увесистым столом.

– Таций, держись!

Второй трибун по инерции отскочил ко входу. Окажись нападавший самую малость расторопнее, он бы получил шанс бежать, чтобы вызвать в палатку претора подмогу, но я одним прыжком оказался у выхода и пригвоздил трибуна лезвием своего гладиуса к земле. Железный торакс, надетый на бедолагу, на поверку оказался совсем непрочным. Вовремя подоспевший Рут точным ударом пилума раз и навсегда пресек попытки выбраться из-под стола незадачливого латиклавия – наконечник пилума согнулся в бараний рог. Гопломах выпрямился и с высоко поднятым подбородком смотрел на меня, а затем провел кончиком гладиуса по своему языку. По губам, вниз к подбородку гладиатора, заструилась кровь. Я знал, что последует за

этим, и не хотел смотреть на жестокий обычай племени, из которого был родом Рут, поэтому отвернулся.

Галант и Крат по моей просьбе притащили корн, найденный в одной из соседних палаток. Я смотрел на странный, изогнутый русской буквой «С» инструмент, чувствуя, что дело, ради которого мы пришли сюда, сделано только наполовину. Со старшими офицерами личного легиона Марка Красса было покончено. Были мертвы примипил Гай Тевтоний и его шесть трибунов, оказавшихся в большинстве своем последними трусами. Но среди них не было того человека, чья голова стоила дороже всех, вместе взятых, – претора Красса. Главнокомандующего не было в лагере. Можно было предположить, что Красс возглавил легион либо же выдвинулся навстречу остальным своим легионам, стягивающимся в лагерь. Несколько минут я стоял в замешательстве, слыша, как забавляются за моей спиной гладиаторы с отрезанной головой одного из трибунов. Гадать, куда подевался проконсул, попросту не было времени, а рисковать я не мог. Когда в легионе узнают о смерти трибунов и центуриона первой когорты, вполне вероятно, что будет принято решение повернуть назад, за укрепления. Я поднес корн к губам. Пора было дать сигнал Ганнику и Касту.

Глава 3

– Эй, Спартак! Смотри! Смотри, кому говорю! – истошно заверещал Рут.

Гопломах схватил меня за плечо и затряс так, что я чуть было не упал с земляного вала. Я с трудом устоял на ногах и повернулся туда, куда показывал гопломах. Показывал Рут на римский легион, застывший в нерешительности неподалеку от линии укреплений. Я нахмурился, потому что в следующий миг до моих ушей донесся лязг металла.

– Что за... – Слова застряли поперек моего горла.

– Это Каст! – охрипшим голосом вскричал Крат.

– Он уже тут? Так быстро? – удивился Галант.

Несмотря на плохую видимость, мне удалось разглядеть, как одна из моих когорт стремглав врзалась в оборонительные редуты римлян, что стало для легионеров полной неожиданностью. На землю упали пилумы, послышался хруст ломаемых skutumov. Раздались стоны и крики римских солдат, дрогнула одна из когорт римского легиона. Лопнули шеренги, нарушился строй первой двойной центурии. Часть легионеров бросилась врассыпную, в сторону высоких стен собственного лагеря, которые казались им неприступными, готовыми укрыть дезертиров.

Что творил Каст? В полной тьме галл совершил марш-бросок и попытался застать врасплох легионеров Красса, которые ожидали в неведении недалеко от стен собственного лагеря. Атака произошла в тот миг, когда лучший легион претора лишился «головы» в виде офицерского состава, а многочисленные римские центурионы не решались брать полноту ответственности за принятые решения в свои руки! Но откуда Каст мог знать о том, что римский легион лишится командования? Да и сигнал корна к тому моменту не прозвучал... Неужели галл ослушался моего приказа?

– Как Каст быстро, а, Спартак? – расплылся в улыбке Рут, явно наслаждаясь зрелищем. За отсутствием примипила, остальные центурионы всерьез перепугались за аквила легиона и пытались на ходу перестроить трещавшую по швам когорт.

– За мной! – бросил я.

Я в два прыжка оказался на земле и бросился к полю боя, которое теперь скрылось от моих глаз. Изнутри меня полыхнула ярость, неукротимая, всепоглощающая. Ноги проваливались в сугробы, мышцы ныли, крутило суставы. Я стиснул зубы. Стопы, стертые в кровь от непривычной обуви, обжигало, но усилием воли я заставил себя ускорить свой бег, потому что не имел никакого права опоздать. Ошибка в этой войне стоила слишком дорого. Одна оплошность была допущена. Каст ударил, не дожидаясь сигнала корна, и допустил произвол. Можно было ломать голову и выдвигать различные гипотезы на тему того, с чем было связано решение моих полководцев и что произошло не так. Однако факт оставался фактом.

С другой стороны, я видел стягивающиеся вдоль горизонта основные легионы Марка Красса, спешащие к полю брани на помощь личному легиону проконсула. И именно поступок Каста, который ослушался моего прямого приказа и вывел войска до того, как корн прозвучал трижды, позволил восставшим выиграть драгоценные минуты. Я с ужасом осознал, что силы римлян, которые превосходили нас умением и числом, уже сейчас брали армию восставших в кольцо. Используя свои знаменитые метательные машины, конницу, организовав наступление, легионы сомнут мое обескровленное войско и сотрут силы повстанцев в порошок. Я знал, что Спартак вложил много сил в подготовку повстанцев в своем лагере, будучи запертым на Регию, но понимал, что мое войско по большей части – дилетанты, только лишь недавно взявшие в руки меч. Но Каст... Хитер же был бес! В намерениях полководца еще предстояло разобраться.

От мыслей меня отвлек римский дезертир, капитулировавший с поля боя, который при виде меня замедлился, а потом и вовсе попятился. Выглядел легионер паршиво. Skutum рим-

лянина остался на поле боя, куда-то подевался кулус, а из раны на голове сочилась кровь. Лорика хамата у правого бедра оказалась порвана и окрашена в красный цвет. Он выставил перед собой свой гладиус, за который схватился обеими руками, и совершенно безумным взглядом уставился на меня.

– Назовись! Кто ты такой? Ты римлянин? – затараторил он.

Я одним прыжком сблизился с бедолагой, выхватил гладиус, обезоружил его. Марать руки о человека, который показал спину на поле боя, не хотелось, поэтому я перехватил свой меч, и следующий удар пришелся точно в висок несчастному, лезвием плашмя. Таким ударом можно было оглушить человека, но я, по всей видимости, не рассчитал силы – у бедолаги из ушей пошла кровь, его тело свело судорогой. Оказавшийся рядом Рут, особо не церемонясь, вонзил свой меч в его грудь. Мы двинулись дальше.

С каждым новым шагом я все более отчетливо слышал лязг металла и крики дерущихся бойцов. Пробежав на одном дыхании несколько стадиев, я увидел знамена римских центурий в виде поднятых кверху древков копий, украшенных медальонами с изображениями открытой ладони. Вскоре перед моими глазами возникло само поле боя и спины римлян. Касту удалось окончательно внести суматоху в первую линию когорт римлян из трех. В оборонительных редутах появилась брешь, куда, смятая римский легион яростным напором, ударили силы одного из моих лучших полководцев – Висбальда. Понимая, что здесь и сейчас силы рабов превосходят по численности силы римлян, центурионы скомандовали отступление, опасаясь, что противник зайдет с флангов или ударит в тыл. Личный легион Красса, собранный из лучших римских солдат, поплыл, отступая под невероятным натиском рабов. Совсем немного не хватило для того, чтобы отступление римлян обернулось поголовным бегством. Сразу пять шеренг первой линии четырех когорт лопнули, как расколовшийся грецкий орех. Я лично видел, как распалось несколько манипул, началась давка. Восставшие с неведомой доселе яростью заставили легионеров Красса показать спины. Несколько сот человек бросилось в беспорядочное бегство, сбивая друг друга с ног, моля о пощаде и падая на колени, будучи готовыми сдаться в плен тем, кого они презирали и над кем чувствовали свое превосходство. Земля усеялась трупами.

В этот момент нагнавший меня Рут схватился руками за голову и завопил:

– Что ты творишь, Нарок? Я тебе бороду оторву!

Седовласый Нарок, замещавший Рута во главе кавалерии на время отсутствия гопломаха, сейчас совершал непростительную для полководца ошибку. Вместо того чтобы довершить разгром когорт первой линии ударом с фланга, после чего добраться до метателей дротиков и пращников и развязать рукопашную, кавалеристы вдруг бросились в погоню за дезертирами. Вслед за всадниками теряли самообладание многие пехотинцы. Одурманенные успехом, они покидали строй и бросались вслед за дезертирами, дабы не позволить уйти тем, кто показал спину. Я видел в их глазах лишь одно желание – не сражаться, а убивать.

– Назад! Нарок! Зайди с фланга! – закричал я, сложив руки рупором, но тщетно.

Во всеобщем шуме одной большой битвы меня никто не услышал. Попытаться докричаться своих офицеров было бессмысленно. Максимум, чего я мог достичь в сложившейся ситуации, – сорвать голос.

Римляне сумели выдержать чудовищную атаку Висбальда и приступили к перестроению, несмотря ни на что им удалось сохранить свои головы холодными. Были слышны яростные выкрики центурионов, зычные команды опций, и вот уже очередная атака рабов, сделавшаяся в одночасье беспорядочной, разбилась о римские щиты второй линии когорт. Будто из-под земли, с флангов выросли резервные когорты римлян из третьей линии, которые стремительно зашли с тыла легионов Ганника и Каста и беспрепятственно расстреляли спины гладиаторов пилумами. Выверенно, четко, как фигуры на шахматной доске, практически не встречая сопротивления со стороны восставших, когорты соединились с центром личного легиона претора. Удар фланговых когорт посеял панику в ряду бойцов Ганника и Каста. В отличие от

римлян атаки восставших казались все менее осознанными и более сумбурными. Боевой порядок моего войска трещал по швам, к нулю близилась маневренность, росла разобщенность.

Я не понимал, что происходит с войском рабов. Мои полководцы провалили наступление. Римляне, несмотря на то что они значительно уступали нам в численности, крепко забрали инициативу в свои руки, работая как единый слаженный механизм. Я заставил себя успокоиться, понимая, что никак не смогу повлиять на ход битвы, если останусь стоять в стороне, выполняя роль наблюдателя.

– Прикрой меня со спины, Рут! Сможешь?

Гопломах ударил себя в грудь. Я выхватил гладиус и бросился в самую гущу сражения, спеша как можно скорее все исправить. Рядом со мной пробежал один из гладиаторов, командующих центурией восставших, в составе вновь сформированной когорты рабов, которые присоединились к движению Спартак не так давно – в Бруттии. Вся центурия бросилась в погоню за показавшими спину легионерами, которых насчитывалось всего-то дюжина человек.

– Мидий!

Грек, слышав свое имя, обернулся, но лишь на миг, даже не поняв, кому принадлежит голос, позвавший его. На его лице застыла гримаса ненависти, в глазах читалось предвкушение. Он был перепачкан в крови римских дезертиров и, казалось, не видел ничего вокруг себя. Я стиснул кулаки, понимая, что ничего не смогу поделать с глупостью центуриона, который отводил войска оттуда, где они были действительно нужны, создавая численный перевес в пользу врага. Рут, увидев мой яростный взгляд, было бросился вслед за греком, но я поспешил остановить гопломаху:

– Не стоит, брат! Оставь его!

– Я сверну шею этому идиоту! – прорычал германец.

– Сейчас ты ничего не сможешь ему объяснить!

Рут в сердцах сплюнул себе под ноги.

– Сумасшедший! – взревел он.

Мое внимание переключилось на линию горизонта. Показалось, что свет факелов, по которому можно было различить приближение легионов Красса, вдруг стал более отчетливым, ярким. Кольцо сжималось, времени оставалось в обрез.

Первым из своих полководцев я увидел Висбальда, который плечом к плечу с солдатами вверенного ему легиона яростно сражался с римлянами из шестой когорты. Перепачканный в крови врага, нумидиец выкрикивал в небо ругательства на своем родном языке, звучащем в этот миг особенно зловеще. Он скинул с себя шлем, выбросил на землю щит и дрался практически не защищенный с одним из легионеров, решившим принять неравный бой. Вскоре я увидел Леонида, который собрал вокруг себя сразу троих легионеров и с отчаянием, присущим загнанному к самому краю гладиатору, дрался с одним кинжалом в руках. Напрочь забыв о командовании легионами, эти двое сводили счеты с римлянами. Сражение превратилось в кровавую резню, опьяненные отчаянием, злостью, большинство восставших хотели расправы над римлянами здесь и сейчас. Наше наступление захлебнулось. В это же самое время римский легион наконец перегруппировался и стойко сдерживал все удары восставших. Легионеры забирали жизни повстанцев с поразительной легкостью, делая короткие, жालящие, смертельные выпады. Тысячи копий римлян словно единый механизм разили моих воинов из-за стены щитов. Земля покрылась сотнями трупов, впитывая горячую кровь.

Я с ходу оседлал брошенного на поле боя жеребца и, чтобы не упасть, прижался всем телом к шее лошади. Конь встал на дыбы, заржал, попытался сбросить меня на землю, но быстро успокоился, почувствовав, что я не собираюсь отступать.

На моих глазах префект эвокатов выхватил из рук аквилифера аквил и что было сил запустил знамя легиона в самую гущу восставших. Центр личного легиона Красса, который включал центурии эвокатов, отреагировал незамедлительно. Ветераны перешли в ожесточен-

ное наступление, сменяя бойцов из легиона Висбальда. Вместо того чтобы попытаться взять строй, совершить маневр, нумидиец с горсткой солдат перегородил ветеранам Мария и Суллы путь, пытаясь своей отвагой и мужеством показать своим бойцам личный пример. Однако умелые ветераны, участвовавшие не в одном десятке битв и считавшие ниже своего достоинства показать спину, успешно отбили атаку повстанцев, забрали инициативу в свои руки и принялись вытеснять Висбальда с его воинами. Сражавшийся в первых рядах префект подгонял эвокатов, напоминая, что на кону стоит честь легиона и достоинство ветеранов.

Отчаянная попытка Висбальда взять римских ветеранов численностью с треском провалилась, несмотря на то что гладиаторы ничем не уступали в боевых навыках прославленным эвокатам, а многие в схватке один на один и вовсе превосходили их. Префект, надрываясь, перекрикивая, умело перестраивал свои ряды. Маневренность ветеранов не оставляла Висбальду и его людям ни единого шанса. При виде брошенного в стан врага серебряного орла в наступление двинулись остальные когорты личного легиона претора. Я понимал, что центр личного легиона Красса, который до сих пор не удалось сдвинуть моему войску ни на фут, мог стать тем камнем преткновения, который сыграет с нами злую шутку. Ветеранов Мария и Суллы нельзя было взять одним навалом, здесь требовался маневр, выучка. Увы, Висбальд, который слыл отличным гладиатором и безупречным воином, все же не видел дальше своего носа, когда дело касалось тактики, и упорно не хотел ничему учиться. Я не знал, чем руководствовался прежний Спартак, когда ставил такого человека во главу целого легиона. Однако ничего подобного нельзя было сказать о Ганнике и Касте, впитавших в себя много римского и не считавших зазорным перенимать республиканские секреты военного ремесла. Но куда сейчас делись те, кому я поручил командование армией восставших, кто допустил царивший на поле боя бардак!

Если легиону Леонида удалось вернуть стратегическую инициативу восставшим на одном из флангов, перетянув на себя внимание резервных когорт, то Ганник, Каст и остальные мои полководцы занялись травлей дезертиров. Войско оказалось брошено на произвол! Один легион Красса сражался на равных с тридцатитысячным войском рабов, рассеянным по полю боя и не имеющим единой цели! Не на это ли рассчитывал коварный проконсул?

Что-то прокричал Рут, который все это время был рядом со мной, но я не разобрал слов. Гопломах, последовав моему примеру, оседлал коня. Германец, показывая мне какие-то непонятные жесты, ускакал прочь. Думать о том, что это могло значить, у меня попросту не было времени.

В этот момент я услышал, как на горизонте, вдоль линии фортифицированных укреплений затрубили наступление горнисты. Легионы Марка Красса бросились на поле брани. По коже пробежал холодок. Ганник, Икрий и Тарк прямо на моих глазах начали перестроение и двинулись в сторону вала и рва. Я не верил своим глазам – эти сумасшедшие собирались принимать бой у наступающих римских легионов, и я пока что никак не мог им помешать!

Чувствуя, как приятно отяжеляет гладиус мою руку, я поскакал во весь опор к Висбальду, который сцепился с ветеранами.

– Висбальд!

Могучий нумидиец тяжелым ударом двуручного меча разбил в щепки щит одного из легионеров, но тут же отступил, тяжело дыша. Эвокаты сомкнули ряды, спрятали раненого. На груди Висбальда растеклось багряное пятно крови – меч одного из легионеров разрезал панцирь, однако нумидиец не обращал на рану никакого внимания, считая глубокий порез царапиной.

– Спартак! – вскричал он, завидев меня, и тут же отразил выпад легионера.

Его лицо скорчилось от боли. На ходу я атаковал, помогая гладиатору отбиться от римских ветеранов. Мой гладиус, крепко лежавший в руке, нашел твердый панцирь римлянина, и

тот, вскрикнув, завалился на землю замертво. Копыта моего коня, обутое в солеи, растоптали обездвиженное тело врага.

– Я знал, что все это только лишь слухи, брат!

– О чем ты говоришь, нумидиец? – закричал я, стараясь перекричать шум толпы.

Висбальд не успел ответить и вряд ли услышал мой вопрос. Ветераны перешли в наступление. Я наотмашь рубанул первого выглянувшего из-за щита легионера, рассек артерию на незащищенной шее, перевернул на землю второго римлянина увесистым ударом ноги и обернулся в поисках Висбальда. Нумидиец сражался сразу с тремя противниками в полуарпане от меня. Не успел я перевести взгляд, как щиты легионеров разомкнулись, мне пришлось извернуться, чтобы парировать удар, который пришелся точно в грудь. Время ускользало из моих рук. Оставаясь здесь, погрязнув в рукопашном бою, я не мог управлять ходом битвы. Несмотря на то что на моих глазах разворачивались ключевые события сражения между легионерами Красса и восставшими, мне пришлось отступить.

– Висбальд, построиться! Висбальд! – закричал я.

Глаза нумидийца сверкнули озорным блеском. Показалось, что он услышал мои слова, но не подал виду, что слышит. Этот здоровяк с двуручным мечом бросился с яростным воплем в самую гущу противников. Я понял, что требовать от Висбальда выстроить сейчас строй было равнозначно тому, что биться головой об стену. На его лице не дрогнул ни один мускул. Этот человек грезил свободой, боролся за нее и готов был отдать ради нее свою жизнь. Он не любил приказы, он слишком долго был рабом, чтобы, получив свободу, продолжить их исполнять... Мне очень сложно давалась психология гладиаторов, закоренелых вояк, которых не сломит ни одна плеть. В каких-то моментах я вынужден был считаться с особенностями психики таких людей, как Висбальд, если хотел сражаться с ними бок о бок в бою. Однако сейчас стоило проявить твердость. Если нумидиец не возьмет строй – дело дрянь!

– Отойди в тыл, полководец, построь свои войска и ни шагу назад, если ты хочешь победить! – прорычал я.

Висбальд вздрогнул от моих слов. Нумидиец взревел и наотмашь рубанул гладиусом подвернувшегося под руку легионера. Нехотя он все же начал пятиться в тыл, за спины своих бойцов.

– Перестроиться, – бросал он приказ своим гладиаторам. Затем вдруг остановился и громко несколько раз прокричал мои слова так, чтобы их услышали другие гладиаторы: – Ни шагу назад!

Повстанцы громогласно принялись скандировать мой приказ, вдруг ставший лозунгом сотен человек. По коже пробежали мурашки. Я ни секунды не сомневался в Висбальде и, не теряя времени понапрасну, поскакал во весь опор к коннице. Кавалерия Рута ожесточенно сражалась в двух стадиях от основного очага сражения, расправляясь с римскими дезертирами, которых удалось взять в плотное кольцо. В голове прочно засели слова нумидийца. Что значили слова Висбальда, когда он говорил о слухах, которые распространились среди восставших?

По пути меня отвлек выросший будто из-под земли старый римский центурион, решивший своим примером поднять боевой дух своей центурии. Его посеребренный шлем, примятый ударом одного из повстанцев, сполз набок. Изображение виноградной лозы, свернутой в кольцо, на лорике сквамата на груди, окрасилось кровью. Центурион был тяжело ранен, но все еще крепко держал свой меч в руке.

– Собака! – вскричал он и отчаянно атаковал прямым ударом мне в грудь. Я с трудом увернулся, ответил молниеносным выпадом и вонзил острие своего гладиуса в горло римлянину. Центурион со вскриком упал на колени и плашмя завалился наземь.

– Мёоезиец! – окликнул меня кто-то. Я увидел Нарока. Седовласый гладиатор скакал ко мне и орудовал своей спатой с такой легкостью, словно держал в руках хворостину. – Ты жив! О боги!

Его седые усы и борода были измазаны в крови, оттого Нарок выглядел особо зловеще. Ликтор спрыгнул с лошади и, хищно улыбаясь, бросился ко мне в объятия. Я выхватил гладиус и с размаху врезал рукоятью меча Нароку в лоб, схватил гладиатора за грудки одной рукой и приставил острие гладиуса к его шее. К груди ликтора скатилась алая капля крови.

– Что ты вытворяешь? – прорычал я, чувствуя, как лицо мое наливается кровью. – Ты погубишь нас!

Нарок, у которого на лбу тут же вылезла шишка размером с куриное яйцо, побледнел. Я видел, как догорала бушующая в его взгляде ярость. Он вызывающе посмотрел на меня.

– Если я заслужил смерть, убей меня прямо сейчас, Спартак! Но я и мои братья имеем право на месть, коли все потеряно! – прошипел он.

– Ты... – Я заставил себя убрать острие клинка от его шеи, разжал пальцы и оттолкнул гладиатора. – Что ты несешь! – проскрежетал я, пытаясь унять полыхавший внутри гнев.

Что за слухи поползли по лагерю, пока меня не было здесь? Что с войском? Я с трудом сдерживал норовящие вылезти наружу вопросы, но все же решил дожидаться, когда Нарок заговорит сам. Гладиатор сглотнул слюну, пытаясь сбросить сковывающее его напряжение. Он тяжело дышал, но смотрел мне прямо в глаза. Было видно, что он колеблется.

– Я думал ты того, Спартак! Все так думали! – осторожно начал ликтор.

– Что ты имеешь ввиду? Ты думал, что я мертв? – уточнил я.

– Предал нас. – Нарок заставил себя выдать эти слова. Он произнес их дрожащим голосом, опустил взгляд и гулко выдохнул: – Прости, брат, что я посмел допустить такую мысль, но так говорили все!

– Все? – Я с трудом сдержался, чтобы вновь не схватить своего ликтора за грудки и прямо здесь не придушить.

Нарок только лишь растерянно пожал плечами.

– И вы поверили в это? – рассвирепел я.

– Верь не верь, а тебя нет. Никто не говорил ни слова, а в лагере на каждом углу шептались, что ты отправился в римский лагерь к Крассу, чтобы подписать нашу капитуляцию! Поговаривают, что Красс стал разговорчивее с тех пор, как освободился Помпей со своими легионами и у сената появилась возможность выбирать, чьими руками закончить эту войну! – на одном дыхании выпалил седовласый ликтор.

– Нарок... Все это такая чушь! – Я всплеснул руками.

– Сам пойми, Спартак, когда нервы на пределе, ты готов верить во что угодно!

– Верю, – согласился я, видя разбитого Нарока, который теперь горько сожалел о том, что поверил слухам.

Услышав мои слова, ликтор расцвел. На его лице появилась улыбка, в глаза вернулся блеск. Я же, напротив, сделался хмурее тучи. Вот почему раньше ударил Каст. Но кто пустил по лагерю слухи? Я почувствовал, как свело мои скулы, потемнело в глазах. Не владея собой от подступившей ярости, я вновь схватил ликтора за грудки и принялся отчаянно трясти Нарока.

– Кто это сказал? – закричал я.

– Об этом говорили все, мёоезиец... – выдал растерявшийся ликтор.

Я нехотя отпустил Нарока и попытался переварить его слова. Эмоции переполняли. Однако поддаваться этим эмоциям я не имел никакого права. Видя мое состояние, Нарок поспешил объяснить:

– Тебя спохватились люди, Спартак! Пошли домыслы.

– Но... – Я запнулся и больно врезал себе кулаком по лбу, понимая, как жестоко просчитался.

Люди в моем лагере начали спрашивать обо мне, но никто из полководцев не смог внятно объяснить, где я. Еще бы, никто из них понятия не имел, куда я иду и зачем! Пошли домыслы, расползлись слухи. Я просчитался и теперь расплачивался за свою безалаберность! Я хотел

спросить Нарока, почему он бросился в погоню за горсткой дезертиров, увлекая за собой всю конницу, вместо того чтобы участвовать в сражении, но вдруг понял, что знаю ответ. Восставшие шли сюда умирать, а перед смертью они хотели забрать на тот свет как можно больше жизней римлян. Никто из них не хотел оказаться распятым, опозоренным. Они считали, что потеряли вождя, а вместе со мной они потеряли веру. Успех восстания у рабов олицетворялся с именем мёезийца. Имя «Спартак» у повстанцев ассоциировалось с успехом. Спартак был тем человеком, который не мог обмануть. Никто не хотел снова лишиться свободы, вновь обретенной семьи.

– Тебя нашел Рут? – наконец привел мысли в голову в порядок, спросил я.

Нарок покачал головой. Тем лучше. Руту следовало успокоиться, иначе гопломах вполне мог оторваться на Нароке, который не заслуживал взбучки. Нарок начал что-то говорить, но я вдруг резко потерял к ликтору интерес. Все, что надо, я узнал. Теперь мое внимание переключилось на поле боя, где тела восставших падали камнем вниз.

Висбальд держался из последних сил. Его центурионы несколько раз тщетно пытались взять строй, однако окрыленные успехом ветераны напрочь забрали инициативу в свои руки. Гай Ганник вместе с Икрием и Тарком вплотную подвели свои легионы к римским укреплениям. Время утекало, я хотел остановить это безумие, но пока не знал как. Я огляделся. Мой взгляд упал на пилум, зажатый в руке мертвого римлянина, рядом догорал факел... Не дожидаясь, пока Нарок закончит свой монолог, я со всей силы вплепил ликтору пощечину. Нарок подпрыгнул на месте и уставился на меня, потирая ушибленную щеку.

– Послушай меня, – прошипел я.

– Говори...

– Я хочу, чтобы ты прямо сейчас разыскал Рута и слово в слово передал ему мои слова! – выпалил я на одном дыхании.

Я медленно, так, чтобы Нарок запомнил мои слова, рассказал план, вдруг появившийся в моей голове. Глаза Нарока блеснули, он закивал и как-то совсем по-дурацки заулыбался своей хищной улыбкой с оскалом. Я смотрел на него исподлобья, испытываяще, пока улыбка не сошла с его лица. Седовласому ликтору следовало понять, что от исхода дела, которое я ему поручил, во многом зависит наша судьба. Нарок стал серьезным, на его лице появилась решимость.

– Постарайся ничего не перепутать, брат, потому что если ты начудишь, то, клянусь, я убью тебя, – предупредил я ликтора.

– Все сделаю, – пообещал он.

Гладиатор бросился выполнять мое поручение, по пути подобрал с земли пилум, схватил факел. Я проводил Нарока взглядом. В душу закрались сомнения. Так бывало каждый раз, когда ты затевал нечто бредовое, когда любая мелочь могла расстроить твой план.

Безумие продолжалось – тысячи восставших, будто рой пчел, словно бесчисленные стаи волков, кружили вокруг остатков римских дезертиров. Ганник готовился начать бессмысленную осаду римских укреплений с тремя легионами, помощи которых так не хватало Висбальду и Леониду. Рабы сбивались в кучки, толпой нападая на одного. Где-то дезертиры брали боевой порядок, смыкали skutумы, выстраивали черепахи и отражали выпады разъяренной толпы рабов. На какой-то миг я даже подумал, что римляне вполне себе сознательно использовали тактику отцепления от легиона. Дюжины отдельных вексилляций, мнимых дезертиров, рассредоточивали внимание моих сил. Я мотал на ус, на случай, если судьба даст мне шанс применить нечто подобное тактике римлян в будущих сражениях.

Рабы почувствовали кровь врага и хотели вкусить ее в полной мере, хотели отомстить. Заставить этих людей вернуться в строй, сделать из рабов солдат могло помочь только чудо. Наконец мой взгляд остановился на знаменах легиона Каста. Лучший легион армии повстанцев устроил настоящую расправу над одной из римских когорт, ударив легионеров в тыл. Под

горячую руку рабов попал тот самый резервный левый фланг личного легиона Красса, который до того удачно оттеснил Икрия со своими бойцами. Я мог понять Нарока, понимал Висбальда, которые толком не разбирались в тактике и маневре. Но как подобный хаос в своих рядах допустил мой лучший полководец, способный тягаться в военном искусстве с римлянами? И главное, почему Каст не воспрепятствовал Гаю Ганнику, который собственными руками решил соорудить себе и своим солдатам эшафот? Я не успел найти ответ на этот вопрос, как увидел изувеченное тело своего полководца. Несколько рабов уносили своего вождя с поля боя. Каст, весь покрытый множественными ранениями, испустил последний дух. Его голова запрокинулась, тело обмякло в руках товарищей. Галл был мертв, но меч все еще был зажат в окровавленной руке.

Это был удар ниже пояса. Тот, кто должен был поберечь себя во благо своего легиона, допустил непростительную оплошность. Вместо того чтобы управлять своими бойцами, держа в ежовых рукавицах дисциплину легиона, Каст вышел сражаться с римлянами в первых рядах! Галл пал в бою, где просто обязан был побеждать!

Не найдя ничего лучше, я поскакал к горнисту легиона Каста и на ходу выхватил буцину из его рук. Дунул изо всех сил в узкую цилиндрическую трубу, чтобы привлечь к себе внимание толпы обезумевших рабов, которые лишились своего брата и полководца. Над полем боя разнесся тяжелый протяжный звук, каким горнист обычно отдавал команду на сбор у легионного знамени. Толпа восставших, в которую превратился мой лучший легион, собранный целиком и полностью из гладиаторов, замерла. Я видел совершенно дикие, полные ненависти глаза людей, которые готовы были растерзать врага голыми руками и отомстить римлянам за смерть Каста. На секунду показалось, что вся злость, которая сосредоточилась в их сердцах, выплеснется на меня. Я увидел на себе множество недоуменных взглядов.

– Строиться! – закричал я.

Я поднес руки, сложенные рупором, ко рту и прокричал свой приказ несколько раз, срывая голос. Конь подо мной от неожиданности встал на дыбы и чуть было не выбросил меня из седла. Буцина, которую я зажимал под мышкой, за малым не выпала наземь.

– Взять строй! – Я пытался изо всех сил перекричать шум битвы, удавалось это едва.

Показалось, что все рухнет. Гладиаторы не расслышат моих слов, наплюют на приказ, бросятся в погоню за остатками резервной когорты римского легиона, солдаты которой, воспользовавшись промедлением, бросились врассыпную. Но ничего подобного не произошло. Из всей многотысячной толпы с места сдвинулось лишь несколько человек. Остальные вскинули вверх мечи и громогласно закричали:

– Спартак вернулся! Да здравствует Спартак!

Центурионы принялись отдавать приказы деканам, которые сделали шаг вперед и выделились из многоликой толпы. Восставшие собирались в контубернии. Контубернии в центурии. Растянулись шеренги, формировались когорты.

Я увидел среди гладиаторов молодого галла Тирна и направил к нему коня. Тирн был правой рукой Каста в легионе и, по сути, выполнял функции, аналогичные должности примипила в римском войске. Галл с воодушевлением раздавал приказы своим бойцам, помогал своим деканам и центурионам навести порядок в строю.

– Тирн! – Я спешил, подбежал к галлу и резко развернул к себе, за малым не вырвав Тирну плечо.

– Мое почтение, Спартак! – отчеканил галл, как заправский офицер, ничуть не смутившись.

Я схватился за плечи юного галла, которому было не больше двадцати, и строго посмотрел ему в глаза.

– Каста больше нет! Легионом будешь управлять ты! – заявил я.

– Спартак...

- Никаких отговорок не принимается! Каст доверял тебе, как себе! – отрезал я.
Тирн не отвел взгляд, но, судя по его виду, галлу пришлось не по душе мои слова.
– Так точно! – выдавил он.
– Ты справишься! – Я легонько хлопнул ладонью по его щеке. – Я верю в тебя!

Тирн коротко кивнул в ответ. Я не знал, справится ли этот пацан, но другого выхода, как доверить легион молодому центуриону, у меня не было. Успокаивала мысль, что Каст вряд ли бы выделил бестолкового бойца из множества своих офицеров. Тирн, больше не желая тратить время на разговоры, вернулся к легиону. Я с ходу запрыгнул на своего коня и, не жалея гнедого, сразу перешел на галоп. Сердце бешено колотилось в груди. Я что было мочи дул в бучину и привлекал к себе внимание толпы рабов. Хотелось показать им, что я здесь, что я жив и ничего не потеряно. Центурионы, многих из которых успел назначить лично я сам, останавливались при виде меня и салютовали.

– Строй! – Я кричал настолько громко, насколько мог позволить мне севший голос, чередуя свои выкрики со звуками бучины. – Взять строй!

Рабы в недоумении останавливались, прекращали погоню, отпускали показавших спину легионеров. Прямо на моих глазах разношерстная толпа восставших из легиона Леонида начала построение. Тирну удалось навести порядок во вверенном ему легионе Каста. Я галопом скакал к римским укреплениям, где замерли легионы Ганника, Икрия и Тарка, готовые встретиться с мощью легионов Красса лицом к лицу. Ни один из полководцев у стен фортификационных укреплений не обратил на сигнал бучины совершенно никакого внимания. Как и я, они наверняка видели свет факелов, но куда более отчетливо. Капкан проконсула почти захлопнулся. Мне показалось, что я отчетливо слышу топот тысяч ног и различаю в темноте силуэты римских легионеров. Последние минуты нещадно таяли!

Римские эвокаты, будто прочитав мои мысли, ринулись в наступление с двойной силой. Префекту удалось вернуть в ряды ветеранов серебряного орла, вид которого только придал уверенности атаке эвокатов. Легион Висбальда к этому моменту потерял не меньше четырех тысяч человек. Теперь от некогда бравого легиона осталось лишь несколько разбросанных по полю боя манипул, к моему удивлению, взявших наконец строй. Однако те рабы, кто еще мог держать в руках оружие, сражались изо всех сил. До моих ушей донеслось громогласное скандирование.

– Свобода! Спартак! – хором кричали со всех сторон.

Я знал, что эти храбрецы будут держаться до последнего. Но куда же подевался Висбальд, которого не было видно среди сражавшихся? Не хотелось верить, что еще один храбрый воин пал на поле боя, повторив судьбу Каста. Мой взгляд тщетно мелькал среди сражающихся и трупов в поисках храброго нумидийца, когда юный Тирн, силами легиона Каста, ударил в тыл римским ветеранам. Разъяренные, желающие отомстить за смерть галла, гладиаторы из первой когорты чудовищным ударом смели две центральные центурии эвокатов, не оставляя тем ни единого шанса выжить. Раненых добивали на месте. Возможно, ветераны смогли бы прийти в себя, вновь перестроиться, но на попытавшиеся замкнуть дыру фланги обрушил удар Леонид. Легион Красса лопнул как мыльный пузырь, оказавшись в коробочке. Центурионы Висбальда, из тех, кто все еще остался жив, командовали отступление.

В груди запекло. Прямо сейчас регийский капкан раскрылся. Следовало немедленно отступать, чтобы сохранить за собой шансы выиграть эту войну! Порыв остудила мысль о Ганнике, Икрии и Тарке, которые во главе трех легионов восставших стояли у фортификационных укреплений римлян. Трое полководцев ждали подхода претора и не собирались отступать. Ганник, Икрий и Тарк жаждали крови врага, тогда как галл вовсе возомнил себя полноправным хозяином войска в мое отсутствие! Теперь, когда я пошел на поводу у Ганника и дал восставшим вкушать римской крови сполна, чего еще хотел обезумевший гладиатор...

Неважно!

Нарок нашел Рута и в точности передал гопломаху мои слова. На поле боя загорались сотни смазанных смолой пилумов. Настала пора показать Ганнику, что главный здесь – я.

* * *

Тени кавалеристов мелькали на взрыхленном копытами снегу. Рут повернул всадников к стенам римских укреплений. Кавалеристы держали в руках пилумы, брошенные римскими дезертирами на поле боя. Наконечники пилумов, обмотанные шерстяными лоскутками от плащей и вымазанные горючей смолой, пылали пламенем, ярко прогорая в ночи. Ветер доносил запах горелой смолы до моих ноздрей. Подгоняя своего коня, я скакал следом за турмами Рута, желая обогнать Ганника, возомнившего о себе бог весть что. Кельт, не видящий и не слышащий ничего вокруг, оставил позади себя легионы Икрия и Тарка. От ворот лагеря его отделяло расстояние вытянутой руки. Обстановку накаляли шесть легионов Марка Лициния Красса, дыхание которых ощущалось по ту сторону лагерных стен. С минуты на минуту когорты римлян начнут строиться на позициях вдоль рва, и тогда боя не избежать.

Ганник шел в первых рядах. Он держал в обеих руках мечи, как и большинство гладиаторов, в сегодняшней битве пренебрегая щитом. Кельт, как истинный воин, был убежден, что он должен смотреть смерти в глаза. В его взгляде, движениях читалась решимость довести начатое до конца. Ганник не обратил никакого внимания на конницу Рута, вихрем обогнавшую с левого фланга легион галлов и германцев. Сделал вид, что не слышит свое имя, когда я попытался его позвать.

В то же время легионеры, в числе которых были командующие легионами Икрий и Тарк, косились на конницу, явно не понимая, что происходит. Я не стал догонять Каста и окликнул Тарка. Бербер, чьи когорты замыкали шествие, возглавляемое Ганником, замер и с нескрываемым удивлением уставился на меня, будто на статую какого-то святого. Я верхом на жеребце обогнул легион Тарка и перегородил путь первой когорте восставших. Тарк, который наконец узнал меня, воскликнул:

– Хвала богам, Спартак!

– Что ты творишь? Останавливай легион! – выпалил я вместо приветствия.

За моей спиной послышались удивленные, взволнованные голоса повстанцев. Многие, завидев меня, в растерянности опускали щиты и мечи.

– Спартак вернулся!

– Это Спартак!

К нам, спотыкаясь, бежал Икрий. Грек при виде меня бросил свой легион и устремился к застывшему в замешательстве Тарку. Лицо Икрия было перепачкано в крови врага, но я видел в его глазах смятение.

– Спартак? – Он удивленно смотрел на меня.

– Сейчас же поверните назад! – прокричал я.

Я видел, как вздрогнул Тарк от этих слов. Мои слова пришлись ему не по душе, – возможно, он не допускал мысли о том, чтобы повернуть и показать римлянам спину. Я успел достаточно хорошо узнать этого храброго воина и видел, как осунулось лицо бербера. Тарк был отличным полководцем, и сейчас внутри его шла ожесточенная борьба. Икрий выслушал мои слова холодно. Смятение, которое я смог поймать в его глазах сперва, теперь растворилось. Прямо сейчас это был холодный, ничего не выражающий взгляд, лицо не показывало никаких эмоций, поэтому понять, пришлись ли мои слова по душе грозному гладиатору, я не смог.

– Поворачивайте назад! – твердо повторил я, пытаясь найти среди многотысячной толпы легиона бербера центурионов, обычно располагавшихся на правом фланге центурий, манипул и когорт. Услышав мои слова, офицеры должны были разнести приказ по когортам. – Поворачивайте!

Мне приходилось пятиться на своем скакуне, так как легион Тарка продолжал идти вперед. Бербер не торопился перестраивать легион и командовать отступление.

– Если бы ты, мёезиец, возглавил наше наступление сегодня, мы поставили бы жирную точку в этой войне, – вдруг выпалил Тарк, его глаза зловеще блеснули. – Я не могу знать, как закончится сегодняшний бой, но знаю, что эта война не может больше продолжаться.

– У нас уже нет никаких сил, брат. – Икрий вдохнул воздух полной грудью и гулко выдохнул. – Уступи дорогу или присоединись к нам в этом бою!

Когорты напирали, я отступал, пытаюсь подобрать слова, чтобы выиграть время, понимая, что никакие убеждения и слова будут не в силах остановить все это безумие. Однако я начал говорить, осторожно подбирая слова. Рут должен был выступить с минуты на минуту!

– Наша война – война свободы, братья, и если мы проиграем сегодня, то сотни тысяч человек по всей Италии останутся в цепях рабства! Вы хотите этого? – напирал я.

– Просто отойди, Спартак, все кончено, – покачал головой Тарк. – То, о чем мы мечтали в Капуе, так и останется мечтой!

– Отойди с дороги, мёезиец! – заявил Икрий.

В моих глазах потемнело, на скулах заходили желваки. Рука опустилась на рукоять меча, я приготовился нанести удар, но полководцы вдруг переглянулись. В следующий миг я увидел в их глазах отражение первых ярких вспышек пламени. Из-за моей спины раздались крики и брань. Ветер принес дым и отчетливый запах гари. Кавалеристы вплотную приблизились к земляному валу и принялись метать зажженные пилумы в стену римских фортификационных укреплений. Огонь нехотя, медленно, даже безглаголиво, не желая браться за влажное дерево, перекидывался на деревянную стену. Жуткий ветер, бушевавший всю сегодняшнюю ночь напролет, выступил в роли кузнечного горна, раздувая пламя из малейшей искры. Загорелась первая вышка. Ветер разносил пламя, и очень скоро вспыхнули палатки легионеров. По ту сторону стены поднялись столбы черного дыма. Воздух наполнился копотью. Горела кожа и шерсть.

Сквозь язычки бушующего в лагере пламени я увидел римский легион. Часть солдат из пожарной когорты бросилась тушить пожар, не понимая, что происходит, не видя врага под своими стенами. Следом появился второй римский легион. За ним третий. Римляне собирали силы в кулак. Очень скоро дым закрыл всяческий обзор. За сплошной пеленой дыма и огня я не видел, сколько солдат врага собралось в лагере. Пламя предоставляло нам шанс избежать боя. Горящая стена обдавала жаром, огонь сдерживал любой порыв.

– Спартак... – Тарк попытался что-то сказать, но я резко пресек его.

– Поворачивайте, – теряя терпение, повторил я. – Не сейчас!

В глазах бербера застыл вопрос, который так и остался не задан, – я, наконец, схватился за рукоять меча. Послышались крики центурионов, недовольный ропот гладиаторов, но шеренги и когорты нехотя начали перестроение. Тарк бросил последний взгляд на пылающий римский лагерь и вместе со своим легионом зашагал прочь, подгоняя центурионов отборной бранью. Начал отступление Икрий. Грек с опаской косился в спины легионеров Ганника. Недовольно загудела когорта галлов, их поддержали кельты и германцы. Легионеры принялись бить мечами о щиты, выказывая свое недовольство. Восставшие, готовые отдать жизнь в последней битве этой кровавой войны, не хотели отступать, но путь к римлянам им перегородила непроходимая огненная стена.

В четверти лиги от римского лагеря отступали гражданские. Женщины, дети и старики, число которых по ходу восстания постоянно росло и вскоре приблизилось к отметке в несколько тысяч человек, тащили с собой фашины, которыми я приказал забросать ров.

Наконец остановил свой легион Ганник. Гладиаторы резервных когорт озадаченно наблюдали за отступлением легионов Икрия и Тарка. Послышался ропот в рядах солдат. Ганник, бледный как полотно, стоял в двух перчах от пылающей пламенем стены, но не решался

подойти ближе, чувствуя жар огня, пожирающего древесину. Рукоять меча убийственно медленно легла в ладонь кельта. Пальцы сжались, рука побелела. Он проводил взглядом Рута, который вместе со своими кавалеристами удалялся от стены прочь. Дело гопломаха было сделано. Ликтор выполнил приказ от и до. Губы Ганника скривились, он выдавил какое-то ругательство на кельтском, а в следующий миг я поймал его взгляд на себе. Тяжелый, темный, но все же удивленный.

– Это твоих рук дело, Спартак? – проскрежетал он, вздрогнув от неожиданности при моем виде. – Ты приказал Руту поджечь стену?

Я ничего не ответил. Передо мной стоял ослушавшийся приказа полководец. В мое отсутствие этот человек отвечал за сохранность нашего лагеря. Ганник же пошел на произвол, и наше дело чуть было не лопнуло как мыльный пузырь. Я понимал, что нам предстоит серьезный разговор. Но этот разговор следовало начинать не здесь и не сейчас. Интересно, понимали это сам Ганник? Или жажда мести настолько заполонила его разум, что он не отдавал отчета своим поступкам? Кельт долго, с вызовом, смотрел на меня, его ладонь так и осталась лежать на рукояти гладиуса. Дым от пепелища больно резал мои глаза, но, несмотря ни на что, я не отводил взгляд и принял вызов.

– Отступай, Ганник, – скомандовал я. Несмотря на холод, моя ладонь, которая легла на рукоять гладиуса, взмокла. Заходили желваки. В воздухе витало напряжение. – Ты разочаровал меня, – сухо сказал я.

Ганник молча проглотил эти слова. Медленно потянул рукоять гладиуса на себя, обнажил лезвие на целый палец, а потом резко разжал руку и отпустил рукоять. Меч нырнул обратно в ножны. Гладиатор довольно ухмыльнулся, явно издеваясь надо мной, будто проверяя на прочность. Вытер вражескую кровь со лба и смачно высморкался себе под ноги.

– Пошел ты, – прошипел он.

Ганник горделиво вскинул подбородок, размазал ладонью кровь римлянина по лицу. Так же диковато улыбаясь, он развернулся и отдал громкий приказ стоящим чуть в стороне центурионам.

– Поворачиваем! Мы отступаем! – выкрикнул он.

Я остался сидеть верхом на своем жеребце. Дорогого стоило отпустить Ганника и закрыть на его оскорбления глаза. Внутри меня бурлила ярость. Хотелось верить, что сейчас Ганник зол, раздавлен, разбит. Затем, когда гладиатор придет в себя, у нас состоится разговор. Но сейчас, когда он повернул свой легион, я скорее испытал облегчение. Сцепившись, как два боевых петуха, мы могли потерять то, чего у нас и так не было, – время. Крови на сегодня было достаточно. Я заставил себя убрать руку с гладиуса. Несколько раз сжал и разжал кулак. Поскакал прочь.

В голове застряла новая мысль: как только римляне потушат пожар в лагере, Марк Лициний Красс отправит в погоню за восставшими свои легионы. Пожар давал рабам фору и возможность оторваться от погони. Однако здесь было одно огромное «но». Повстанцы, среди которых были раненые, женщины, дети и старики, были вымотаны и истощены. Многие с трудом передвигались, кого-то несли на носилках. Римляне, преодолевавшие до шестнадцати лиг за один дневной переход форсированным маршем, настигнут нас в один бросок. Тучи сгущались.

Глава 4

Марк Робертович не сдержался. Во рту появился привкус крови. От злости на самого себя Крассовский не заметил, как прикусил язык. Глаза на миг закрыло пеленой ярости. Вспышка продолжалась лишь доли мгновения, пока олигарх усилием воли не заставил себя опомниться, сдержаться. Внутри все кипело, мысли о неудаче обжигали. Ну уж нет – снаружи олигарх должен был оставаться спокоен и не подавать виду. Пусть все думают, что ничего не может вывести его из себя. Колебания – удел дураков, которые вовремя не могут признать себе в собственной слабости, а оттого терпят поражения в своей никчемной жизни. Действительно, на каменном лице олигарха сейчас нельзя было прочесть ни одной эмоции. Ничего не выражали глаза. Однако олигарх с трудом сдерживал в себе желание свернуть шею юнцу, который только что принес страшную весть, ставшую причиной расстройства Марка Робертовича.

Юноша с необычайно большими глазами и высоким лбом нагнал их отряд в полутора лигах от римского лагеря. Его растрепанный вид, взмыленный галопом конь, которого всадник не жалел по заснеженной дороге, сразу внушили опасения и предзнаменовали дурную весть. Достаточно было того, что его рассказ начался со слов:

– Достопочтенный Марк Лициний! Меня послал легат Публий Консидий Лонг! Мне велено донести до вас, что Спартаку и его рабам удалось бежать! – сказал он сбивчиво, заикаясь, трясаясь всем телом, словно осиновый лист на ветру.

Неужели слова соплыка были правдой? Какой-то гладиатор с жалкой кучкой не пригодных ни на что рабов сумел... Крассовский усилием воли заставил себя не впадать в рассуждения, которые сейчас были не к месту и никак не могли помочь. Факт оставался налицо. Раб обошел его, попутно разрушил дальновидные планы. Все, о чем мечтал Марк Робертович, вдруг начало рушиться прямо на его глазах. Провал в подавлении восстания рабов мог стать тем малым кирпичиком, вытащив который можно было разрушить весь дом! Как выяснялось, дом этот был построен впопыхах, без всякого фундамента, без цементной хватки. А строил его сам олигарх! Захотелось врезать себе ладонью по лбу, но Марк Робертович сдержался. Оставалось лишь благодарить всемогущих богов за то, что единственное, чего добился Спартак со своими рабами, – избежал полного разгрома уже сейчас. Значит, не все потеряно. Но это как посмотреть...

В голове стоял гул от выпитого вечером фалернского, однако Крассовский попросил у одного из своих ликторов еще один кувшин вина, рассчитывая протолкнуть вставший поперек горла неприятный липкий ком. Он сделал два больших глотка, закрыл глаза, собирая свои мысли в одну кучу. Получается, один ноль в пользу грязного раба? Может быть, не зря Красс выжидал, зная силу этого вероломного варвара? Крассовский тут же отбросил подобные рассуждения. Скептик, который сидел глубоко внутри Марка Робертовича, подсказывал, что нерешительность Красса в отношении Спартака не может быть оправдана ничем. Он вдруг поймал себя на мысли, что отвращение к самому богатому человеку древности, в теле которого он оказался, выросло.

Всерьез можно было рассмотреть вариант тактической ошибки его легионов. Оплотность могли допустить военные трибуны, на откупе которых осталось командование армией. Свою роль могли сыграть погодные условия. В конце концов, случай. Со счетов не стоило списывать неповиновение, тот же бунт. Он припомнил, как не самым лучшим образом провел последний разговор с офицерами своего личного легиона. В голове всплыла ссора с Тевтонием...

Все это лишь только предстояло выяснить. Вопросы, предположения вереницей закрутились в голове Марка Робертовича. Но надо сказать, что Крассовский потому и был олигархом, что умел находить золото там, где его, казалось бы, вовсе нет. Так, Крассовский понял,

что не успеет он допить кувшин вина до дна, как в Риме станет известно о прорыве Спартака из оцепления на Регийском полуострове. От этой мысли неприятно засосало под ложечкой. Вряд ли подобные вести приведут в восторг сенат, члены которого вручили Крассу проконсульские полномочия, чрезвычайный имерий! Более того, запрос Марка Лициния Красса, который тот отправил сенату в письме за своей печатью накануне, теперь наверняка будет удовлетворен. Не ввиду, а теперь скорее уже вопреки! Вкупе с прорывом рабов из Регийского капкана, письмо с призывами о помощи могли воспринять как признание собственной беспомощности претора в подавлении восстания. Никто из этих трехсот толстых римских сенаторов знать не знал, что сам Марк Робертович отнюдь не нуждается в помощи Лукулла и Помпея с их легионами, а может справиться с силами восстания собственноручно! Разве можно говорить иное, имея чрезвычайный империй, а по сути, безграничную власть! Да, формально он оставался претором наряду с недоумком Муммием, одним из своих легатов и начальником левого крыла армии. А по факту? Имея империй, проконсульские полномочия, слово Крассовского перебывало слова нынешних консулов – недальновидных Публия Корнелия Лентула Суры и Гнея Ауфидия Ареста! Одни труднопроизносимые имена этих двух консулов вызывали отрыжку у олигарха.

Впрочем, со стороны его положение теперь выглядело весьма шатко. Крассовский вновь сдержался, на этот раз от того, чтобы не разбить полупустой кувшин фалернского о голову гонца или не приказать ликторам пустить в ход фаски. Юноша, будто чувствуя неладное, попятился к своей взмыленной лошади, не без основания полагая, что ему может влететь за принесенную дурную весть. Наверное, все дело в том, что здесь, как и в Москве, ничего нельзя поручить другому. Пора было брать дело в свои руки и лично все исправлять, пока еще существовала возможность что-то исправить. Марк Робертович лихорадочно перебирал в мыслях все возможные варианты, судорожно ища лазейки, за которые он мог бы зацепиться и поставить все с головы обратно на ноги.

Личная охрана Марка Робертовича, насчитывающая одиннадцать ликторов, причитающихся проконсулу, замерла, осторожно наблюдая за одним из самых богатых людей мира, теперь уже независимо от времени и эпох. Ликторы ожидали распоряжений. Крассовский расправил плечи, блеснул широкой каймой на тоге, которую скрывал пурпурный плащ. Он не удостоился облачиться в неудобный доспех, который сковывал передвижения и доставлял дискомфорт.

– Подойди сюда, Лиций Фрост! – подозвал он старшего ликтора своего отряда.

Вперед выдвинулся мужчина, навскидку сорока лет, опытный ветеран с лицом, покрытым вдоль и поперек шрамами.

– Ближе! – скомандовал олигарх и принялся шептать ему на ухо распоряжения.

Ликтор внимательно слушал, кивал, а когда олигарх закончил, жестом подозвал к себе двух других ликторов. Те внимательно выслушали приказ и галопом усаkali в темноту на лучших каппадокийских жеребцах. Крассовский проводил их взглядом. Первое, что необходимо было сделать сейчас, – перехватить письмо Тевтония и трибунов, которое они послали в Рим. Если, конечно, такое письмо было отправлено на самом деле. Август Таций, латиклавий его личного легиона, славился своими связями в аристократической сенатской верхушке и вполне мог настроить сенат против Крассовского. Ликвидация письма офицеров позволяла олигарху выиграть несколько дней. Время же сейчас шло на вес золота. Марк Робертович был далеко не глупый человек, поэтому послал в Рим свое письмо, в котором пытался убедить сенат, что погорячился, когда просил о помощи для подавления восстания. Письмо олигарха должно было попасть в руки сенаторов до того, как слухи о прорыве Спартака на Регийском полуострове доберутся в Рим. Если все сложится, оставался шанс, что сенат проголосует против привлечения Лукулла и Помпея к подавлению восстания. У самого Крассовского в таком случае оставался шанс занять кресло консула на следующий год.

Шансы казались призрачными, и он не мог рассчитывать на них всерьез, но сенатские заседания с бесконечными спорами давали ему драгоценный задел. Сомнения отпали сами – рабы не ушли далеко. Следовало рвать жилы, пахать землю и делать все, чтобы догнать восставших, выскользнувших из его рук. За это время он должен был стереть с лица земли недоумение, которое называлось Спартак. Как известно, победителей не судят. В случае победы он мог назвать то, что произошло на Регии, частью хитроумного плана.

Крассовский развернул своего жеребца и поскакал обратно к лагерю, который он покинул несколько часов назад в сопровождении ликторов и двух турм кавалерии личной охраны. Сейчас или никогда! Рабов поджидала немедленная кара. Ликторы и кавалерийские турмы последовали за олигархом, тогда как растерявшийся гонец остался стоять у обочины, поглаживая свою взмыленную лошадь.

* * *

Ночь выдалась жуткой. Мы то и дело останавливались и прерывали свой марш. Не выдерживали тяжелый переход старики, умирали раненые. Восстание теряло людей и оставляло за собой след из тел несчастных повстанцев. Я отдал приказ закапывать тела в снег, силясь спасти их от надругательств римлян и хищников. Почти каждая смерть сопровождалась рыданиями, мольбами и криками. После событий, случившихся на полуострове, в лагере появились те, кто молча провожал людей в последний путь. На их лицах я видел облегчение. Многие уже не находили в себе сил досматривать раненых, но держались.

Ужас вызывало осознание наших потерь. Безумный прорыв ударил по армии восставших сильнее всякой чумы. Смерть в одночасье забрала в свои цепкие лапы тысячи жизней повстанцев, которые полегли у римских фортификационных стен. Стало жутко, когда я понял, что сражения можно было избежать. Чего стоил легион Висбальда, от которого осталось лишь несколько неполных центурий! Мысли об этом вызывали смятение в моей душе. Я искал оправдания произошедшему, но всякий раз заходил в тупик. Терялся в догадках, предположениях, многие из которых сводили меня с ума. Как офицер, я взял ответственность за своих воинов на себя и пребывал в отвратительном расположении духа.

Нервозности добавляли нависшие на линии горизонта островки вражеских костров, которые римляне палили всю минувшую ночь, напоминая нам о своем присутствии. Однако с каждой пройденной лигой римский лагерь отдалялся от нас, растворялся в сумерках. К рассвету свет костров исчез вовсе, как будто его и не было. Странное поведение римлян настораживало. Красс будто бы впал в ступор и не спешил немедленно нагнать нас. Со стороны могло показаться, что претор давал возможность восставшим уйти. Легионы проконсула выжидали. Вот только чего? Я поймал себя на мысли, что Красс, ошибившись единожды, возможно, хотел лишить себя удовольствия дважды наступить на одни и те же грабли в бою со мной. Свой следующий шаг Марк Лициний готовил скрупулезно, тщательно, безо всякой спешки. В моем лагере поползли первые слухи... Но я в отличие от своих людей не питал никаких надежд и понимал, что претор в скором времени скомандует наступление. О каждом нашем шаге будет доложено римлянину лично. Свежие, хорошо обученные к марш-броскам легионы нагонят нас к завтрашнему утру.

С этими мыслями я провел всю ночь. С первыми лучами солнца мы подошли к небольшому холму.

– Скажи, чтобы делали привал, – устало распорядился я, остановив своего коня и спешившись.

Рут, единственный из ликторов, кто наотрез отказался оставлять меня одного этой ночью, скакал на своем жеребце в нескольких перчах позади. Уставший, вымотанный, обессиленный. Гопломах кивнул, оглядел открывшийся перед нами холм и без слов, на которые уже не оста-

лось никаких сил, поскакал выполнять мое распоряжение. Я проводил его взглядом. Что же было с теми, кто провел минувшую ночь на своих двоих, если мы с Рутотом верхом на лошадях вымотались и истощились? Страшно было представить. Стоило дать восставшим отдохнуть, вздремнуть и набраться сил, чтобы сохранить войско боеспособным. Люди валились с ног от усталости, и продолжать путь дальше было бы крайней глупостью. Никто не испытывал иллюзий – следующий переход обещал быть еще длиннее, изнурительнее. Мы должны были подготовиться морально и физически, чтобы не попасть впросак, на случай если сражение с легионами Красса произойдет уже днем.

Взвешивая все за и против, я осознавал возможные риски. Римляне получали возможность отыграть свое отставание и вплотную приблизиться к нашему лагерю. Фора, полученная нами во время ночного броска, вряд ли внушала оптимизм. Впрочем, другой альтернативы в это холодное утро у меня не было.

На руку Крассу играло мое незнание местности. Первые часы обескровленное войско повстанцев шло наугад, безо всякой конечной цели, в кромешной тьме. Шли тяжело. Снег местами доходил до колена. Приходилось останавливаться, чтобы убрать бурелом. Я злился, не мог совладать с собой, сосредоточиться. Понимал, что римляне, которые выдвинутся вслед за нами, получают преимущество в скорости. Наткнувшись на бурелом в очередной раз, я принял решение свернуть с дороги и идти по полям, чтобы остановиться там на привал. Мы вернулись по дороге назад, сквозь растущие небольшими островками чащи деревьев свернули на северо-запад, вышли в поля. Я попытался схитрить и оставил в месте нашего схода с дороги три центурии, которые взрыли снег и забросали участок ветками. Вряд ли я мог сбить римлян со следа, но запутать их, выиграть драгоценные минуты я мог вполне.

В поле войско замедлилось, но сильные порывы ветра поднимали с земли снег и заматали наши следы. Я понимал, что даже самый сильный ветер не сможет укрыть нас от взгляда претора, но обстоятельства играли нам на руку. Метель в открытом поле затруднит легионерам Красса переход, собьет с пути.

Теперь, когда привал был объявлен, когда войско остановилось, я перевел дух. Я взобрался на холм, огляделся, вытащил из-за пазухи смятую карту Южной Италии. Развернул свиток и уставился на рисованные чьей-то рукой незнакомые местности с названиями на латинском языке. Солнце медленно вскарабкивалось на небосвод. Лучи приятно согревали промерзшее за ночь лицо. Буря оставила после себя приятно хрустевший под ногами снег. К основанию холма стекались восставшие. Несмотря на тепло, которое принесло с собой солнце, окончание бури и ясную погоду, никто из несчастных людей не проронил ни единого слова. На разговоры не осталось никаких сил. Изредка слышались стоны раненых, всхлипы измученных женщин, потерявших на поле боя своих мужей. Туманными, ничего не видящими глазами люди бросали на меня взгляды вскользь. Шли дальше, искали себе место, где бы они могли расположиться на привал. Из всей многотысячной толпы только один мальчишка лет десяти вдруг остановился, внимательно посмотрел на меня, его взгляд прояснился. Он вскинул руку в знак приветствия, пока его не одернула мать, ищущая место для привала. Я тяжело вздохнул, чувствуя, как ходят желваки на моих скулах.

Мы покинули полуостров в спешке. В лагере осталась большая часть наших запасов. Колеса телег застревали в рыхлом снегу, буксовали, поэтому большую часть запасов было решено бросать в лагере. В повозках остались палатки, провиант, часть арсенала и доспехов. Впрочем, возможности разбить в поле полноценный лагерь у нас не было. Отчего-то мысль приятно согрела, но я знал, что, размышляя подобным образом, я всего лишь обманывал себя, чтобы успокоить.

Обессиленные люди садились на холодный снег, многие сразу засыпали, кутаясь в затертые до дыр плащи, снятые с тел римских солдат или с плеча доминуса. Размещались солдаты, снимали с шестов-фурков последние запасы продовольствия и делились ими с женщинами,

детьми и стариками. Это было вяленое мясо, черствые черные сухари, остатки начавшей цвести воды. Гладиаторы охотно отдавали последнее слабой части моего лагеря во многом потому, что среди этих людей были их дети, жены и родители.

Я ловил завистливые взгляды пехотинцев, которые те бросали на кавалеристов, преодолевших мучительный переход верхом на своих конях. Никто не высказывал своего возмущения вслух, понимая, какую роль играет кавалерия в нашей войне. Впрочем, я понимал, что рано или поздно мне придется пустить лошадей под нож. Это был только вопрос времени.

Перед привалом я назначил экстренный военный совет, куда пригласил всех до одного своих полководцев. До того я разослал ликторов к своим военачальникам и попросил оставить меня наедине с моими мыслями. Позиции Спартак в войске подорвались, и мне следовало их восстановить. Мне было что сказать, я все для себя решил. Вопрос следовало ставить иначе – найдется ли что сказать моим офицерам? Я хотел посмотреть каждому из них в глаза.

* * *

– Ты в порядке, мёоезиец? – Рут то и дело косился на меня, явно переживая за мое самочувствие.

– Порядок, переживай за себя, лады? – пробурчал я.

Я не без труда спешился, измерил германца тяжелым взглядом исподлобья, на что гопломах только лишь покачал головой.

– Можешь не просить, только через мой труп. Я никуда не уйду, Спартак! – прохрипел он своим низким голосом. – Я поклялся защищать тебя и буду делать это до конца. Не знаю, что ты задумал, но от меня тебе не избавиться.

Я гулко выдохнул, понимая, что мне действительно никуда не деться от своего ликтора, который ходил за мною буквально по пятам. Рут был обязан жизнью тому, прежнему Спартаку и поклялся, что будет защищать его до конца своих дней. Гопломах был со мной везде и повсюду. Именно Руту пришла в голову мысль окружить ликторами прежнего Спартак.

– Я отведу Фунтика! – Рут погладил бок моего нумидийского коня, которому я успел дать имя, и, придерживая рукой овечью шкуру, которая выполняла роль седла, повел лошадь к дереву, где собирался привязать. – Пошел!

Чтобы прийти в себя, я умыл снегом лицо, взбодрился. На руках остались кроваво-черные разводы, следы копоты погоревшего римского лагеря и крови врага. Ныло ушибленное бедро. Если бы не мой вороной нумидийский скакун Фунтик, я оказался бы в числе раненых и лег на носилки. Ушиб при том деле, которое я задумал сейчас, – враг, но, будучи прижатым к стене, я твердо вознамерился искать выход из сложившейся ситуации любыми способами. Мое войско, раздираемое противоречиями, напоминало ладонь с растопыренными пальцами, где каждый отдельно взятый палец представлял легион. Непослушный, своевольный. Ударь открытой пятерней, и я услышу хруст ломаемых пальцев, разобщенные легионы будут разбиты. Чтобы победить Красса, я должен сжать эту невидимую ладонь в кулак, после ударить. Слова звучали красиво. Я тяжело вздохнул. Время, что прошло с тех пор, как мы вырвались из римской западни, я провел в размышлениях. План в моей голове давно созрел и мерно ожидал исполнения, но, чтобы запустить механизм и начать отсчет, который затем станет необратимым, мне следовало навести порядок в своих рядах. Поэтому я собрал военный совет. Для себя я решил: чтобы привести свой план в действие, я готов буду поставить на кон собственную жизнь.

Военный совет должен был начинаться с минуты на минуту. Вот уже несколько часов мы шли вдоль дороги, держались редких замерших деревьев у скалистых холмов. Местом встречи я выбрал небольшую опушку, что скрывалась за чащей в реденькой роще. Сегодня могло случиться всякое, и мне следовало позаботиться о том, чтобы это видели как можно меньше посто-

ронних глаз. Я рассматривал пустынную опушку. Возможно, в более теплое время местные жители пасли здесь свой скот, а по ночам это было местом встречи молодежи. Сейчас же здесь должна была решиться наша судьба.

– Идут, вон они, – пропыхтел Рут.

Германец привязал лошадей, присел на корточки и растирал снегом измазанные грязью ладони. Я оперся о валун и смотрел на приближающиеся силуэты своих военачальников, чувствуя, как крутит и жжет все тело. Мышцы не знали отдыха и сна. Четыре фигуры гладиаторов, первым среди которых шел грек Леонид, шли молча, понимая, что все оставшиеся силы стоит приберечь на потом. Пятой фигуры все еще не было видно, и поначалу я насторожился, считая, что Ганник проигнорировал наш совет. Однако вскоре я увидел одинокий силуэт кельта, нарисовавшийся за спинами остальных военачальников. Каждый из гладиаторов приветственно вскинул руку, но я остался недвижим. Обвел полководцев тяжелым взглядом, который был красноречивее любых моих слов. Надо признать, ни один из этих мужественных людей не опустил своего взгляда, никто не дрогнул. Повисло молчание. Ничего не сказал Ганник, который встал по левую руку Икрия и скрестил руки на груди. Выглядел он отвратительно. Его лицо осунулось и ничего не выражало, под запавшими глазами набухли мешки. На руках запеклась вражеская кровь, которую он и не думал смывать. На шее виднелась свежая рана, не глубокая, но болезненная.

Когда молчание затянулось, Леонид сделал неуверенный шаг вперед. Я обратил внимание, что повязка на ране у бедра, которую грек получил в крайней битве, полностью пропитана кровью.

– Спартак... – начал он.

– Лучше заткнуться! – грубо прервал я.

Он осекся, замолчал. Я поймал себя на мысли, что будь иначе, попытайся грек развить свою мысль, то я бы не сдержался. Ладони сжались в кулаки, и мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы остаться стоять на месте с каменным лицом. Я обнажил свой гладиус, небрежно положил его на валун, затем встал по одну сторону камня, по другую сторону остались стоять мои полководцы. Отошел подальше от валуна, скрестил руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.